

ОЛЬГА
Дмитриева

ОТВЕРГНУТЫЕ КОРОЛЕВЫ

18+

Ольга Львовна Дмитриева

Отвергнутые королевы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73103423

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге в легкой, увлекательной форме рассказывается о судьбах жен королей, царей, султанов и прочих владетельных особ, отвергнутых своими мужьями. Причины, по которым они теряли свое высокое положение, были разными – политика, дворцовые интриги, успешные соперницы, ненависть, а иногда и страх супруга. Вели себя сброшенные с высот власти женщины также не одинаково. Одни из них яростно боролись и побеждали, другие были заключены в темницы и убиты, кто-то смирился и закончил свои дни в неизвестности.

Среди героинь – Олимпиада, мать Александра Македонского, грозные королевы Алиенора Аквитанская и Изабелла Французская, безумная Хуана Кастильская, несчастные жены Генриха VIII и Ивана Грозного, русские императрицы, Диана Спенсер и многие, многие другие. Каждый портрет ярок, каждая судьба уникальна и неповторима.

Содержание

Олимпиада – повелительница змей.	5
Полет валькирии	33
Императрица Адельгейда Всеволодовна	61
Божьим гневом королева Англии	86
Костер для галицкой ведьмы	140
Упорство Ингеборг	154
Конец ознакомительного фрагмента.	238

Ольга Дмитриева

Отвергнутые королевы

*И ад не знает ярости такой, как женщины отвергнутой
возмездье...*

У. Конгрив.

Олимпиада – повелительница змей.

Олимпиада Эпирская. Римский медальон. 3 в.д.н.

Александр Македонский прославился как величайший полководец всех времен и народов, его мать Олимпиада вошла в историю как одна из самых зловещих фигур Древней Греции. Преступления этой македонской царицы были подробно описаны многими античными авторами, но на ее прижизненных изображениях не заметно и тени жестокости – величественная женщина с идеально правильными чертами лица. Настораживает только присутствие змей рядом с царицей, которые либо лежат у ее ног, либо обвивают руки и жезл.

Римский конторинат, показывающий Олимпиалу и ее змей

Отец Александра – македонский царь Филипп II встретился с Мирталой (так тогда звали Олимпиаду) на мистериях грозных богов Кабиров, в которых они оба принимали

участие. Миртала принадлежала к эпирскому царскому роду и была очень красива. Филипп увлекся царевной и не обратил внимания на неистовую почти дикарскую страстность, с которой та отдавалась отправлению религиозных церемоний. Это показалось Филиппу привлекательным, даже пикантным. Миртале он также понравился – царь был обаятелен, пользовался успехом у женщин и имел репутацию храброго воина и блестящего оратора. Их брачный союз был выгоден для обеих сторон. Небольшое царство Эпир соседствовало с Македонией и северными племенами варваров, регулярно совершавших на нее набеги. И женившись, Филипп получил высокородную, красивую жену и спокойствие на своих уязвимых северо-западных границах. Миртала также выигрывала немало. На родине ей жилось тяжело. Отец царевны умер очень рано, брат был совсем юным, и власть захватил их дядя Арриб, который плохо обращался с осиротевшими племянниками. Брак с Филиппом избавлял от унижений, давал богатство и высокое положение, которое новая жена царя надеялась сохранить навсегда. Но вначале Филипп повелел ей сменить имя на Олимпиаду. По всей видимости, не хотел акцентировать внимание на происхождении жены. Ее соплеменников, молоссов, жителей Эпира, македонцы считали наполовину варварами и относились к ним с пренебрежением.

Сложностей у новой царицы и так было много. В Македонии практиковалась полигамия, и все жены Филиппа жи-

ли в одном дворце, исполняя обязанности цариц. Как между ними складывались отношения, неизвестно. Скорее всего, женщины редко сталкивались друг с другом. Дворец, расположенный между тремя холмами, занимал шесть гектар и состоял из пяти зданий, связанных между собой коридорами и лестницами. Так что царицы «были разнесены в пространстве». Когда в столицу – Пеллу приехала Олимпиада, у Филиппа уже было три жены и сын Арридей, но наследником был признан только сын Олимпиады, появившийся на свет в 356 году*, а через два года родилась дочь Клеопатра.

**Все даты в этой главе следует читать как «до нашей эры». Здесь и далее примечания автора.*

Супруги были пока очень довольны друг другом и использовали свой союз в общих политических интересах. Честолюбивая Олимпиада жаждала заполучить власть на Эпире и одновременно отомстить дадюшке Арибе, причинившему ей столько зла. Филипп также желал подчинить Эпир своей воле. Поэтому он изгнал Ариба и возвел на престол брата Олимпиады, абсолютно послушного македонской чете. Теперь Олимпиада могла быть счастлива. Ее муж успешно воевал и превратил захолустную Македонию в империю, сама она властвовала, пусть негласно, над своей родиной. При македонском дворе Олимпиада также добилась многого. По традиции никто из женщин, кроме гетер не мог являться на пиры – она завоевала это право для себя и других знатных македонок. Это была серьезная победа, ибо в Древней Гре-

ции символом женщины была никогда не покидающая своего домика черепаха, а примерами идеальных жен – Пенелопа и Алкестида. Первая, как известно, долгие годы ожидала за пряжей возвращения своего вечно блуждающего Одиссея, вторая пожертвовала ради мужа жизнью. К главным женским добродетелям относились верность, скромность и героическая защита чести. Но самой лучшей была та, о которой меньше всего говорили – ни хорошего, ни дурного.

Об Олимпиаде же рассказывали много, и поначалу речи были вполне безобидны. Не проявился сразу и ее тяжелый нрав. Первые годы царица наслаждалась жизнью. Дворец, в котором она жила, был великолепен и чрезвычайно комфортен (там даже имелся водопровод). Произведения лучших мастеров украшали покои, одежды вызывали зависть роскошью, драгоценности – изысканностью. Но характер у Олимпиады был «ревнивый и скорый на гнев», и Филипп начал отдаляться от жены, что было с радостью воспринято его ближайшим окружением. Высокомерие и мстительность Олимпиады восстановили против нее придворных, а ее странные увлечения породили в слухи о том, что царица – злая колдунья. И в народе Олимпиаду стали называть дикаркой и «молосской ведьмой».

Дионис. Мозаика из дворца македонских царей в Пелле

Вина за это прозвище во многом лежала на ней самой. Олимпиада внушала страх, и даже храбрый Филипп признавался друзьям, что побаивается ее. В шутку, а может и всерьез, он говорил, что не удивится, если проснувшись, найдет лежащего между ним и Олимпиадой скользкого змея.

Царь не преувеличивал. Олимпиада питала к этим тварям привязанность, удивительную даже для Македонии, где был необычайно развит их культ. Змеи являлись символом плодородия, и присутствовали на религиозных церемониях, обвивая головы и жезлы участниц. Предводительствовала Олимпиада, которая вела себя подобное менаде – безумствующей и сокрушающей все на своем пути спутнице Диониса.

Менады. Дж. Кольер, 1886

Надменной царице был приятен священный ужас подданных. Она считала, что это усиливает ее величие и подтверждает божественное происхождение (эпирские цари, назы-

вали своим прародителем троянского героя Ахилла, сына богини Фетиды). Но Филипп, видимо, предпочитал смертных женщин, и экзерсисы царицы со змеями внушали ему отвращение. Плутарх сообщал, что охлаждение между супругами началось, когда Филипп увидел Олимпиаду, возлежавшую на ложе вместе с огромным ползучим гадом.

Собственно, ничего экстраординарного в этом не было. В те времена в Пелле, столице Македонии, занимались разведением особого вида крупных змей, которые жили в домах, как обычные домашние животные. Змей ради прохлады знатные женщины возлагали на свои стройные шеи и выглядели эти сверкающие боа устрашающе, но весьма эффектно. Змеи жили в домах, становясь любимцами их обитателей, с ними, как с кошками и собаками играли дети. Олимпиада же решила использовать культ змей в своих политических целях, распространив по Македонии слух о том, что отец Александра не Филипп, а высшее божество, которому Олимпиада отдалась ночью в храме.

Это сочли правдоподобным. Древнегреческий писатель Лукиан Самосатский писал, что в его время никто не сомневался в некоем сексуальном контакте Олимпиады со змеем, после которого у нее родился Александр. И объяснил, почему это поверье так прочно укоренилось в сознании его соотечественников. По рассказу Лукиана, перед рождением Александра с Филиппом произошла странная история. Однажды, погрузившись в свои мысли, царь прохаживался по двору,

над которым летало множество диковинных птиц. Когда он сел, чтобы немного отдохнуть, одна из них опустилась ему на колени и снесла яичко. Оно скатилось с колен Филиппа, разбилось, и из разбитой скорлупы выползла змея. Потом она пыталась вернуться назад, в скорлупу, но мгновенно умерла. Озадаченный царь вызвал главного толкователя предзнаменований Антифона и спросил его, в чем смысл произошедшего. И толкователь ответил, что у него родится сын, который завоюет весь мир, но умрет до того, как сумеет вернуться из последнего похода на родину.

Зевс соблазняет Олимпиаду. Фреска Джулио Романо, 1525 -1528 гг.

Сама македонская царица искренне верила в великое будущее Александра, и, дабы придать еще большую правдоподобность слухам о его божественном происхождении, стала рассказывать, что Филипп потерял глаз не в бою, а подглядывая в замочную скважину за женой и Зевсом (так она одновременно мстила мужу за пренебрежение ее ложем). Сплетня была некрасивой и разозлила царя, а повзрослев-

ший Александр взял легенду об отце – олимпийце на вооружение и в результате поверил в нее сам. Но Филипп считал отпрыска Олимпиады своим сыном и воспитывал его как будущего царя Македонии.

Другой миф с божественным участием касался непосредственно рождения Александра. В ночь, когда он появился на свет, в Эфесе был сожжен знаменитый храм Артемиды. Плутарх по этому поводу написал, что Артемида была слишком занята рождением Александра, чтобы заниматься спасением своего храма. То, что в Эфесе Артемида почиталась не как богиня охоты, а как покровительница матерей, семьи и домашнего очага, придавало правдоподобность объяснению.

До семи лет Александр рос в покоях матери, где его ласкали и баловали, а затем по традиции ребенка передали в руки мужчин. Образование он получал в Миезе, небольшом городке неподалеку от Пеллы.

Филипп внимательно наблюдал за наследником, и начал сильно задумываться о том, как они уживутся в маленьком македонском царстве. Для любвеобильного Филиппа его отпрыск был загадкой. Царя удивляло равнодушие Александра к плотским радостям и настораживало его безмерное честолюбие. Жажду славы в царевиче старательно поддерживала и развивала Олимпиада, решившая сделать сына своим орудием в борьбе за власть. Филипп, разгадавший ее намерения, не случайно воспитывал наследника подальше от дворца. Но расстояние не стало помехой. У царицы были шпионы

в окружении Александра, через которых она могла следить за каждым его шагом и предупреждать любое посягательство на свое влияние. И однажды Олимпиаде донесли о том, что Александр серьезно увлекся юной рабыней с берегов понта Эвксинского*

**Понт Эвксинский – древнегреческое название Черного моря, где жили дикие, враждебные грекам племена.*

Олимпиада встревожилась. Влюбленность сына в девушку из непокорных понтийских народов могла нарушить ее планы, ибо царица хотела сама выбрать возлюбленную Александру, а неизвестная варварка представляла серьезную угрозу ее материнской власти. Олимпиада стала действовать быстро и безжалостно. Она приказала отвезти девушку в далекую Фессалию и продать на рабовладельческом рынке. Теперь царица могла быть спокойна, но для Александра потеря возлюбленной стала страшным ударом, и он быстро понял, кто стоит за ее таинственным исчезновением.

Царевич не сказал матери ни единого слова упрека, однако с тех пор Олимпиаде не было известно ни про одно увлечение сына, а среди македонцев заговорили о равнодушии Александра к женщинам. Это вполне устраивало Олимпиаду, она жаждала царить в сердце наследника престола одна и не торопила его с женитьбой.

С годами тяжелый нрав македонской царицы ухудшился. Охлаждение Филиппа привело к тому, что она утратила влияние и замкнулась в своих покоях. Там Олимпиада ухаживала

вала за своими любимыми змеями и вынашивала планы мести Филиппу, его женам и их общим отпрыскам. При македонском дворе отвергнутую царицу боялись и подозревали в разных преступных деяниях. Считалось, что именно Олимпиада довела до слабоумия сына Филиппа Арридея, опоив его вредоносными зельями. Верили и в то, что она обладает сверхъестественной способностью творить зло.

Филипп, отстранившись от своей демонической супруги, стал брать новых, «побочных» жен, но Олимпиада оставалась его официальной женой, а Александр наследником, и наследником достойным. Когда Филипп воевал за пределами Македонии, шестнадцатилетний царевич прекрасно исполнял обязанности регента. Не оспаривался и его полководческий талант. Филипп говорил сыну: «Дитя, ищи себе подходящее царство, Македонии тебе не хватит». Его отношения с Александром уже давно были напряженными из-за Олимпиады, старавшейся настроить сына против мужа. Александр, искренне привязанный к матери, жалел ее из-за многочисленных увлечений македонского царя и однажды даже упрекнул отца в том, что у него много побочных детей. Филипп находчиво ответил: «Это, чтобы ты, видя стольких соискателей царства, был хорош и добр и был обязан властью не мне, а себе самому».

Но настоящих соперников у царевича не было до тех пор, пока Филипп не решил жениться на юной Клеопатре, племяннице влиятельного царедворца Аттала. Знать, ненави-

девшая Олимпиаду, одобрила этот брак, и положение Александра как наследника пошатнулось. Приближенные Филиппа надеялись, что «своя» чистокровная македонка Клеопатра родит сына, которому впоследствии будет передана вся власть. Сам царь женился на Клеопатре по любви, и не собирался лишать своего талантливое старшего сына власти, хотя и надеялся на появление «запасных» наследников. Ведь если бы Александр погиб в бою, то династии грозило угасание.

Царевич знал об интригах, но пока сдерживался. Его открытая ссора с отцом произошла на свадебном пиру. Македонцы в отличие от греков пили по – варварски, то есть, не разбавляя вино водой. Оно лилось рекой, и Филипп сильно опьянел. Другие участники пира не отставали от царя, языки развязались, и Аттал стал громогласно молить богов о появлении у Филиппа и Клеопатры законного наследника престола. Это была явная провокация, и Александр не выдержал. С криком: «Так что же, негодяй, я, по-твоему, незаконнорожденный?» – он швырнул в Аттала чашу. Разыгралась безобразная сцена. За нового родственника вступился Филипп, который замахнулся на сына мечом, но не удержался на ногах и упал. Все голоса мгновенно стихли. Затем тишину нарушил вызывающе спокойный голос Александра: «Вот человек, который собирался перейти из Европы в Азию, а не в состоянии даже пройти от ложа к ложу».

Александр ушел с пира, и уехал вместе с матерью в Эпир.

Он не сумел добиться извинений от Аттала, и ссора на пиру имела последствия, тягостные для македонского царского дома, хотя вначале, когда Олимпиада покинула Пеллу, придворные вздохнули свободнее. Присутствие во дворце зловещей царицы с ее дрессированными змеями и обжигающим ненавистью взором пугало даже закаленных в боях соратников македонского царя. Семейный кризис разрешил Филипп. Александра он по всей форме провозгласил наследником престола, а царю Эпира предложил в жены свою дочь от Олимпиады – Клеопатру. Царевна была родной племянницей жениха, но на такое близкое родство в царствующих династиях не обращали внимания.

Олимпиада не одобряла этого брака. Лишившись влияния в Македонии, она теряла его и на родине, где ее дочь Клеопатра, становилась царицей. Слабохарактерный правитель Эпира терпел властную сестру, но Клеопатра была иной, и подчиняться матери не собиралась. И все же Олимпиада решила поехать в Македонию на ее свадьбу. Александр также прибыл в Пеллу. Филипп проявил к опальной жене и сыну великодушие, но не сумел устранить их недовольство. Аттал так и не понес наказания за свои оскорбительные речи, он даже вошел в узкий круг приближенных царя, куда не было хода Александру, и тот чувствовал, что его удаляют от государственных дел и отодвигают в тень.

В июле 336 года в Эгах, бывшей столице Македонии состоялась свадьба Клеопатры с эпирским царем Алексан-

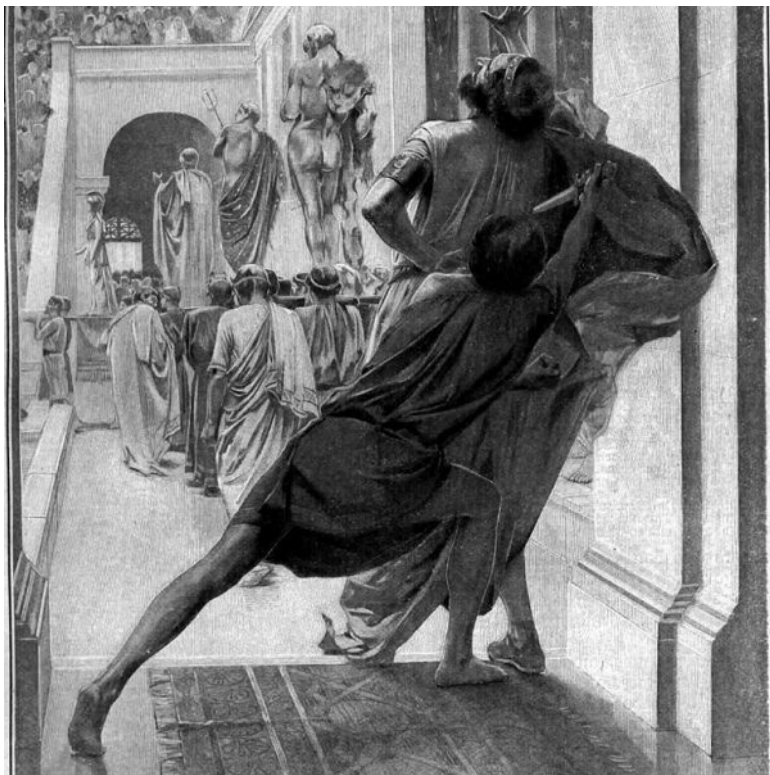
дром. Никто не ожидал трагедии, и торжества, предназначенные продемонстрировать восстановление семейного мира и блеск македонской династии, были великолепны. Гости, прибывшие со всех концов Греции, восхищались прекрасно организованными празднествами, вместе со всеми ликовал и Филипп. Он был счастлив от того, что его юная жена с новорожденной дочкой, верные друзья и смирившийся сын, наконец, собрались вместе.

Многочисленные толпы народа восхищенно наблюдали за своим царем, шествующим в праздничной процессии через город. Впереди несли изображения двенадцати богов – олимпийцев, и вместе с ними и статую тринадцатого бога – Филиппа. Во втором ряду шествовали придворные и гвардейцы, за ними – царская стража, следовавшая в некотором отдалении от царя, идущего между наследником и женихом. Под радостные возгласы толпы Филиппа прошел через ворота театра... далее предоставим слово древнегреческому историку Диодору:

«Все места в театре были заняты, когда появился в белом плаще Филипп; по его приказу телохранители держались в отдалении, так как он желал показать народу, что благодаря доброму отношению к нему греков, ему нет нужды в охране копьеносцев. И на вершине успеха, когда приветственные клики звенели в его ушах, внезапно, непредвиденно – заговор против царя явился ему губительным роком. Чтобы понять случившееся, необходимо изложить по порядку причи-

ны. Был некий македонец Павсаний... Был он телохранитель царя и его возлюбленный, благодаря своей красивой наружности. Когда он заметил, что царь стал увлекаться другим Павсанием (его тезкой), он обратился к тому с бранью, обвиняя того в гермафродизме и готовности лечь под любого, кто ни пожелает. Не в силах снести обиду, другой Павсаний молчал некоторое время, но, заранее предупредив Аттала, своего друга, сознательно и прекрасным образом пожертвовал жизнью. Когда Филипп сражался... Павсаний заслонил его, приняв на себя все удары, предназначенные царю, и таким образом принял смерть... Аттал... пригласил первого Павсания на обед. Напоив его допьяна неразбавленным вином, он затем передал его в бессознательном состоянии погонщикам мулов, чтобы те изнасиловали его в пьяном распутстве. После того как тот пришел в себя, он в глубокой ярости от поругания обвинил Аттала перед царем. Царь разделял его гнев из-за варварского поступка, но в то же время не желал наказывать Аттала... потому, что действительно нуждался в его услугах... Из-за этих причин царь постарался развеять справедливый гнев Павсания, богато его одаривая, и отличая перед прочими телохранителями. Павсаний, тем не менее, разжигал свою непримиримую ярость и поклялся отомстить своими силами не только виновнику своего унижения, но и тому, кто не приказал отомстить за него. Павсаний оставил лошадей у городских ворот и явился ко входу в театр с кельтским кинжалом под плащом. Когда Филипп любезно пропу-

стил своих друзей в театр, в то время как стража держалась в отдалении, он поспешил к царю, ударил его сквозь ребра и, уложив безжизненное тело, побежал к воротам, где оставил лошадей. Тут же часть телохранителей бросилась к царю, а остальные погнались за убийцей. Павсаний успел бы вскочить на лошадь, если бы не споткнулся о виноградный корень. Когда он поднимался, Пердикка и другие подбежали и убили его копьями. Таков был конец Филиппа, который сделал себя величайшим царем в Европе своего времени».

Павсаний убивает на пиру Филиппа Македонского. Худ. Андре Кастень,

В трагической гибели Филиппа не было ничего необычного для Македонии. Большинство правителей этого балканского государства были убиты в результате заговоров, а Филипп оказался не первым македонским царем, павшим от ру-

ки возлюбленного*.

** В заговоре против царя Архелая участвовало два его бывших фаворита Кратей и Гелленократ, а царь Аминта II был убит неким Дердой, за то, что хвастался своей любовной связью с ним.*

Собственно, и гомосексуальные отношения не являлись в Древней Греции чем – то экстраординарным, считались в порядке вещей, и в мифах рассказывалось об увлечениях Зевса, Аполлона, Диониса и прочих олимпийских небожителей прекрасными юношами.

Но в убийстве Филиппа оставалась загадка, и только немногие верили в преступление, совершенное одиночкой. Кто – то считал, что в убийстве замешан Александр, которому была выгодна смерть отца, большинство же обвиняло «молосскую ведьму». Но Александр всегда выступал открыто, предательский удар из-за угла не соответствовал его характеру. Это было скорее в духе Олимпиады, которая блестяще владела мастерством интриги и могла использовать ненависть Павсания к их общим врагам Атталу и Филиппу. Если организатором убийства была она, то в гибели Филиппа заключалась глубокая ирония. Македонские цари считали своим предком Геракла, и Филипп, гордящийся происхождением от легендарного героя, погиб подобно ему – от руки жены. Геракл принял смерть от Деяниры*, Филипп – от Олимпиады.

** Геракл был женат на Деянире, дочери царя Ойнея. Де-*

янира родила Гераклу пять детей и мирилась с любовными приключениями мужа. Но когда Геракл привел в дом юную рабыню Иолу, ситуация стала невыносимой. Он потребовал от жены, чтобы она приняла ее как равную и относилась к ней с уважением. Софокл, явно сочувствуя Деянире, описывает страдания этой достойной женщины: «Жить вместе с ней – какая женщина позволила бы это, разрушив узы брака!» – восклицает Деянира и решает прибегнуть к тайному волшебному средству. Когда-то, когда она была столь же молода и красива как Иола, кентавр Несс посягнул на нее, но был убит Гераклом. Умирая, Несс посоветовал Деянире собрать его кровь, так как она якобы поможет сохранить любовь мужа. И отчаявшаяся Деянира, пытаясь вернуть любовь Геракла, пропитывает кровью кентавра хитон, и посылает его мужу. Однако кровь Несса, погибшего от смазанной желчью ларнейской гидры стрелы Геракла, превратилась в яд, и герой погибает в жесточайших мучениях.

Олимпиада, скорее всего, не посвятила Александра в свои планы, но действовала в его интересах. Юная Клеопатра, уже подарившая Филиппу дочь, могла родить Филиппу и сыновей. Поэтому следовало устранить царя до появления новых наследников. Момент для убийства был выбран идеально – во время свадебных торжеств Аттал и его могущественные сторонники находились далеко, в Малой Азии, и не могли помешать Александру занять трон. Так и произошло. Хорошо знавшее и любившее Александра войско провозгласило

его царём Македонии. После этого он приступил к наказанию преступников и отмщению за смерть отца.

Трех сыновей Павсания казнили, его труп по обычаям Македонии прибили к кресту, а затем молодой царь уничтожил всех, кто казался опасным для его власти, в том числе любых потенциальных претендентов на трон. Александр пощадил только слабоумного Арридея и не тронул женщин своей династии. Им повезло остаться в живых из-за того, что только мужчина мог взойти в Македонии на престол.

Новый царь Македонии действовал хладнокровно, не выказывая никаких чувств. Олимпиаду же переполняла радость, которую она не давала себе труда скрывать. Она возложила золотой венец на голову Павсания, похоронила его неподалеку от гробницы Филиппа и приказала ежегодно приносить жертвы убийце царя.

Вдова помолодела от счастья и выглядела почти так же ослепительно, как в молодости. Вместе со своими любимыми змеями она поселилась в прежних покоях царского дворца и приготовилась быть первой у трона сына. Александр отказался жениться до похода в Персию, и новых соперниц Олимпиада не боялась. Но оставались старые, и когда Александр ушел в поход, царица дала волю своей чудовищной жестокости. Вместе со стражей она явилась к юной вдове Филиппа Клеопатре, повелела убить ее маленькую дочь Европу прямо на коленях матери, затем вынудила злосчастную Клеопатру покончить с собой, и с нескрываемым наслажде-

нием наблюдала за ее агонией. Бесчеловечность Олимпиады потрясла македонцев, был возмущен даже Александр, который выразил матери свое неодобрение и никогда более не увиделся с нею.

На время своих походов правителем Македонии, а затем и всей македонской империи Александр назначил полководца Антипатра. Это был верный, порядочный человек, прекрасно справляющийся с возложенными на него обязанностями. Олимпиада возненавидела Антипатра и стала засыпать сына письмами с доносами на него. Антипатр в свою очередь отправлял послания, в которых опровергал клеветы царицы. Эта вражда надоела Александру и, в конце концов, Олимпиаде пришлось покинуть Македонию и вернуться в Эпир.

Неугомонная царица решила реализовать свои амбиции там и начала враждовать со своей дочерью Клеопатрой, вдовой эпирского царя. Две властолюбивые дамы не смогли ужиться друг с другом, Клеопатра была вынуждена покинуть царство, и править Эпиром стала Олимпиада.

А на следующий год в Вавилоне скончался Александр Македонский. Причина таинственной смерти великого полководца осталась неизвестной. Историки выдвигали множество версий – отравление ядом, грипп, полиомиелит, лихорадку, брюшной тиф. Приводились и причины мистического порядка. Говорили, что Александр, убежденный в своем божественном происхождении, надел шлем, убивающий смертного, но Олимпиада, ненавидевшая Антипатра, пред-

почла поверить в яд.

На освободившийся трон Македонии были посажены два царя – слабоумный Арридей и Александр, новорожденный сын великого полководца от бактрийской княжны Роксаны. Остаться вне игры Олимпиада не смогла и решила захватить власть. Но на этот раз ей пришлось иметь дело с достойными противницами – побочными сестрами Александра, которые не уступали брату ни в воинственности, ни в честолюбии. Одна из них выдала свою дочь Евридику замуж за слабоумного Арридея. Умная Евридика прекрасно управляла за него государством, пока туда не вторглась с армией Олимпиада. Македонские воины без боя перешли на сторону матери своего великого вождя и отказались повиноваться Евридике.

Олимпиада приказала заживо замуровать царя и царицу в тесной камере, куда все необходимое подавалось через маленькое окошко. Впрочем, томились они в своем заключении недолго. Олимпиада, заметив, что македонцы прониклись жалостью к низложенному царю, повелела заколоть Арридея, а Евридику, как когда-то Клеопатру, вынудила покончить жизнь самоубийством. Евридика повела себя достойно и мужественно. Она обмыла тело мужа от ран и повесилась, не высказав сожалений о своей судьбе, но лишь пожелав такой же доли Олимпиаде.

Это сбылось не сразу. Олимпиаде удалось год процарствовать от имени внука в Македонии, и все это время продолжались расправы. Казалось, что эриннии – богини мести, по-

карали царицу безумием. Олимпиада стала мстить всем македонским родам, которые считала враждебными и, прежде всего, семье Антипатра. Она казнила его брата и около сотни других знатных македонян. Истребила также всех детей и внуков, от побочных связей Филиппа. Царство было залито кровью, и боги, наконец услышали призыв несчастной Евридики.

Кассандр, сын Антипатра без всяких усилий завоевал Македонию, жители которой с ужасом и отвращением отвернулись от своей царицы, и взял ее в плен. Олимпиаде обещали сохранить жизнь, однако позже привлекли к суду за убийства, совершенные во время ее правления. Но Кассандр опасался предать смерти мать Александра Македонского. Он предложил Олимпиаде бежать в Афины и обещал дать для этого корабль. Олимпиада отказалась. Она предпочла суд в надежде, что македонцы не решатся казнить ее.

Настроение народа действительно могло измениться в пользу царицы, и Кассандр решил не рисковать. Он послал двести самых верных ему солдат с приказом убить Олимпиаду, но вероятно, ее предупредили. Царица ждала воинов, облаченная в великолепные царские одежды, и поднять на нее руку соратники великого полководца не решились. Олимпиаду ожидала иная, более жестокая казнь и самая страшная, по мнению ее современников – загробная жизнь.

Защитить царицу никто не захотел. Ее забросали камнями родственники казнённых по ее приказу македонцев, тело

же оставили без погребения. Считалось, что души тех, кого постигла эта кара, не могли проникнуть в царство мертвых и должны были носиться по земле, нигде и никогда не находя покоя.

«Таков был конец Олимпиады, которая приобрела высочайшее достоинство для женщины своего времени, будучи дочерью Неоптолема, царя Эпира, сестрой Александра эпирского царя, совершившего поход в Италию, а также женой Филиппа, самого могущественного среди тех, кто правил в Европе, и матерью Александра, чьи деяния были величайшие и наиболее славные» (Диодор Сицилийский).

Полет валькирии

могла выглядеть Рогнеда

В древнерусских летописях женские имена встречаются нечасто, и речь обычно идет о личностях выдающихся. Упоминается там и Рогнеда – одна из жен Владимира Красное Солнышко. Она была дочерью полоцкого князя Рогволда, прибывшего, как сказано в летописях, «из заморья», то есть из Скандинавии. Так что по происхождению княжна была норманнкой*, и это во многом определило ее судьбу.

**Норманны (нурманы, викинги, букв. «северные люди») – термин, использовавшийся жителями Западной Европы по отношению к скандинавам, опустошавшим с VIII по XI век морскими разбойничьими набегами государства Европы.*

Рогволд обладал богатством и влиянием, которое получил, благодаря контролю над путем из Балтийского моря в Черное, пролегающим через его земли. Родство с князем сулило немалые выгоды, Рогнеда слыла красавицей, и на ее руку претендовали многие, в том числе и сыновья киевского князя Святослава. У этого воинственного правителя имелось трое наследников – Ярополк, Олег и Владимир. Кто были матери первых княжичей неизвестно, Владимира же родила Малуша, ключница княгини Ольги*.

**Княгиня Ольга – в крещении – Елена (около 893-969) – княгиня, правившая Киевской Русью с 945 до 960 года в качестве регента при малолетнем сыне Святославе, после гибели её мужа, киевского князя Игоря. Первая из правителей Руси приняла христианство, святая равноапостольная Рус-*

ской православной церкви

Номинально Малуша была рабыней, но рабыней непростой. Круг ее обязанностей при дворе киевской княгини был широк*, требовал ума, честности и главное грамотности, а это означало, что Малуша получила определенное образование и по рождению принадлежала к знати. Читать и писать умели в те времена только избранные.

** по Далю «ключник, ключница» – это тот, кто ходит в ключах, служител, заведующий съестными припасами в доме, погребом, а иногда и питьями.*

Существует предположение, что Малуша была родственницей (или дочерью) древлянского князя Мала, убитого Ольгой. Но, так или иначе, при дворе княгини она оставалась невольницей. Это ставило Малушу ниже не только жен, но и наложниц Святослава. Владимиру же клеймо «робынича», сына рабыни, доставило много неприятностей и породило комплексы, которые он потом выместил на Рогнеде.

Сам Святослав не делал разницы между сыновьями и Владимиру повезло. Обычно бастардам доставались меньшие, чем законным сыновьям владения. Владимиру же отец выделил богатый Новгород, а право защищать его интересы предоставил Добрыне (прототипу былинного Добрыни Никитича) – родному брат Малуши. Добрыня, известный, как «воевода, храбр и наряден муж» сумел добиться согласия новгородцев на княжение племянника, и остался верным помощником Владимиру во всех испытаниях.

L. Puyssier

Добрыня Никитич с младшей сестрой Малушей. А.Рябушкин, 1895.

После гибели Святослава в битве с печенегами Русь была поделена между его сыновьями: Ярополк правил в Киеве, Олег у древлян, Владимир в Новгороде. Вскоре началась война между старшими братьями за главенство. Победил Ярополк, а Олег погиб самым не воинственным и печальным образом. Во время панического бегства с поля битвы он упал под мост в болото и был задавлен людскими телами и трупами лошадей.

Опасаясь разделить судьбу брата, Владимир бежал за море к скандинавам, и Ярополк стал править русским государством один. Но наслаждаться полнотой власти ему пришлось недолго. Через два года на Новгородской земле высадились ладьи Владимира, чье пребывание у варягов оказалось не напрасным – его сопровождала наемная дружина из грозных норманнских воинов.

Битва между братьями была неизбежна. Тем более что они оказались соперниками не только в борьбе за власть, но и за руку полоцкой княжны. Пока Владимир собирал рать, Ярополк посватался к Рогнеде. Он уже, правда, имел жену – греческую монахиню дивной красоты, которую князь Святослав захватил во время одного из походов и подарил сыну. Но это не мешало заключить новый брак. У славян-язычников бытовала полигамия, и наличие нескольких супругов од-

новременно не считалось предосудительным.

Красота и прочие достоинства Рогнеды не имели для братьев – женихов никакого значения. Для Ярополка родство с Рогволдом давало возможность взять под контроль путь из Прибалтики в Византию. Владимир, который также был женат и имел сына Вышеслава, рассчитывал на союз с полоцким князем ради усиления позиций в борьбе со старшим братом.

Сватом к Рогнеде Владимир послал проверенного переговорщика Добрыню, а так как норманны против воли дочерей замуж не выдавали, то Рогволд попросил дочь сделать выбор между женихами. Рогнеда ответила Владимиру решительным отказом: «Не хочу розуватиробынича, а Ярополка хочу».

Сваты Владимира у Рогволода. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV век

Во многих странах в те времена существовал свадебный обычай разувания, когда новобрачная снимала обувь мужа в знак покорности и своего полного ему подчинения. И слова Рогнеды означали, что она не желает подчиняться мужу слишком низкого происхождения, предпочитая ему киевского князя Ярополка. В действительности ли произнесла эту роковую фразу княжна, или ее приписали позднее, неизвестно, но возмущение высокородной девы было совершенно искренним. Женщины – норманнки, очень ревниво относились к своему статусу, и Рогнеда вовсе не желала понижать его. Отец княжны принадлежал к знатному роду, мать, очевидно, была ему под стать. Заботилась Рогнеда и о своем будущем потомстве.

Полоцкое княжество, возглавляемое Рогволдом, жило по законам скандинавского права. Дети, рожденные вне брака, признавались и даже могли обойти других отпрысков во власти, но сын невольницы (и соответственно его дети) не мог наследовать отцовских владений. Будущее Владимира было туманно, и Рогнеда, руководствуясь обычным здравым смыслом, сделала выбор в пользу Ярополка. Грубость же отказа объяснялась тем, что в скандинавском обществе у женщины ценились не только происхождение, ум, красота, но также решительность и, увы, заносчивость.

Возможно, Рогнеда была похожа на скандинавскую богиню любви Фрейю (Фрейя, Дж.-Д. Пенроуз, 1890)

Владимир и его дядя Добрыня входили в подробности норманнских обычаев не стали. Смертельно оскорбленные формой отказа и встревоженные перспективой союза Ярополка с Рогволодом они собрали войско, в которое влились кривичи, чудь и новгородцы. Вместе с наемной дружиной опытных воинов варягов сила собралась немалая, и Рогволд справиться с ней не мог. Он, видимо, попытался отправить Рогнеду к жениху Ярополку, но не успел. Полоцк был захвачен, а семья полоцкого князя оказалась в плену у Владимира. Мечь победителя была ужасной. Владимир покарал за свое унижение так, чтобы впредь никто не осмелился упомянуть об его происхождении от рабыни. Новгородский князь разрушил город и изнасиловал Рогнеду в присутствии родных, которых затем казнил на ее глазах. Заносчивую княжну Владимир оставил в живых и даже назвал своей официальной женой, хотя и знал, что та его ненавидит. Возможно, мстительному «робыничу» доставляло извращенное удовольствие унижать знатную пленницу и наслаждаться своей властью над нею. Допустимо и иное. Рогнеда была красива, и молодой князь, влюбившись в нее, не захотел расставаться. После расправы с семьей полоцкого князя, Рогнеду видимо, отправили в Новгород, а войско во главе с Владимиром направилось в Киев против Ярополка, ко-

торый, не сумев дать отпор младшему брату, бежал и вскоре был предательски убит. А Владимир въехал в Киев победителем, которому досталась не только казна Ярополка, но его беременная жена-гречанка, которую он присоединил к своему гарему. Слово «гарем», не является преувеличением, так как Владимир (до принятия им христианства) проявлял в отношении к женскому полу поистине былинный размах. Это нашло отражение и в летописях, и в иностранных хрониках. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский именовал киевского государя *fornicator maximus*, то есть «величайший прелюбодей», и приводил сплетню о некоем «венеринном набедреннике» (*lumbarevenereum*), который сластолюбец надевал, дабы удовлетворить своих бесчисленных наложниц. Славянские летописцы также не обошли вниманием блудливое поведение князя: «Бе же Володимир побежен похотью женьскою...и бе несyt блуда, и приводя к себе мужьскыя жены и девицирастляя».

Князь Владимир- язычник. В. Васнецов

Цифры, приведенные далее, фантастичны и призваны показать, какой мерзостной личностью был Владимир до своего крещения. По летописным данным у него было триста наложниц в замке близ Киева, Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове (загородной резиденции). Карамзин писал: «Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности».

В Новгороде Рогнеда узнала, что у Владимира уже есть жена, от которой рожден сын Вышеслав, а она только вторая супруга. Уже этого было достаточно, чтобы унижить знатную норманнку, но Владимир посчитал иначе. В Киеве, куда

ее затем перевезли, хозяйкой в княжеском дворце оставили вдову Ярополка. Рогнеду же Владимир поселил в пригороде, в замке Предславино на реке Лыбедь. Кбезымянной «грекине», переходящей, как приз, из рук в руки, Владимир отнесся неплохо. Мальчика, рожденного от Ярополка, которого в народе стали называть «сыном двух отцов», он признал своим, мать не притеснял, а наоборот выделил среди жен и наложниц. И все же сын гречанки был наречен Святополком, а это говорило о многом.

Имя у древнерусских князей указывало на происхождение и династические связи. Оно представляло некий конструктор, из которого вынималась одна деталь, приделываясь к следующей. Имена почти всех сыновей Владимира построены на корне «-слав» в честь их деда Святослава. А вот имя «Святополк», хотя и показывает, что дедом ребенка действительно был Святослав, но во второй части является варьированием имени его «первого» отца Ярополка, то есть различие между этим княжичем и другими сыновьями Владимир делал. Святополк, вошедший в историю под прозвищем Окаянный, считал Владимира не отцом, а узурпатором, и после смерти киевского князя жестоко отомстил его потомству. Общих детей с «грекиней» у Владимира не было. Можно предположить, что он с ней не жил, а женой объявил, дабы лишний раз унижить Рогнеду и заставить ее обретаться вдали от княжеского двора. Наложниц у Владимира имелось, как уже говорилось множество, а список жен был относительно

скромнен, хотя и свидетельствовал о широте международных связей киевского княжества. Браки Владимир заключал ради военных и политических союзов, и чехини, варяжки, болгарки родили ему не менее десяти дочерей и тринадцати сыновей, самыми любимыми из которых стали Борис и Глеб от «болгарыни» (царевны из волжских или дунайских болгар). Возможно, она-то и стала настоящей хозяйкой княжеского дворца, пока Рогнеда исправно рожала детей в отдалении от Киева.

Положение «одной из многих» ее не устраивало, тем более, что Рогнеда подарила киевскому князю сыновей и дочерей больше, чем другие жены. Красота, а возможно именно непокорность и гордость влекли Владимира к Рогнеде, и ее терем князь посещал часто. Но семейная жизнь с норманнкой не была спокойной, и отношения супругов скорее напоминали знаменитые любовь – ненависть из скандинавских саг, где неукротимые девы, в конце концов, убивали своих возлюбленных. Попыталась однажды сделать это и Рогнеда.

По одной из версий, она стала возмущаться, что у мужа много других жен более низкого происхождения, а ее обходят вниманием. Негодование Рогнеды могло объясняться не ревностью, а беспокойством за будущее детей. У Владимира появлялись все новые жены и наложницы, и отпрысков от этих союзов князь, как добрый отец, признавал своими наследниками. Доля семи детей Рогнеды в результате бурного темперамента Владимира уменьшалась, и сыновья мог-

ли остаться без уделов, а дочери без достойного приданого. Проблему с наследием детей Рогнеда попыталась решить радикально, убив супруга. Трудно представить, что княгиня рассчитывала только на собственные силы. Скорее всего, существовал заговор, и она опиралась на недовольных лиц из окружения Владимира, обещавших ей в случае успеха регентство при старшем сыне. Иначе поступок становился бессмысленным. Рогнеду ожидала бы жестокая кара за убийство, а ее детей печальное будущее сирот. Подобно валькирии* (а девушек из знатных скандинавских семей учили неплохо обращаться оружием), она взялась сама нанести удар.

Валькирия в скандинавской мифологии – дочь славного воина, или конунга, которая реет на крылатом коне над полем битвы и решает, кому из воинов, павших в бою, попасть в небесный чертог – Вальхаллу.

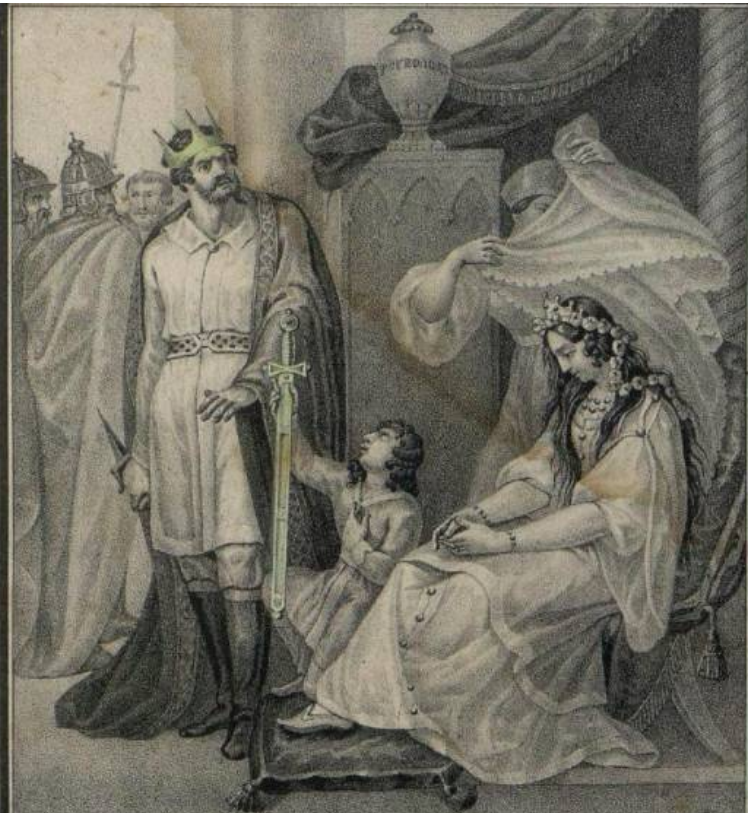
События развивались драматично, и вот как они описываются в летописи. Однажды, когда Владимир заснул в опочивальне Рогнеды, она попыталась вонзить ему кинжал в грудь. Сон князя был тревожным, он внезапно очнулся и сумел перехватить разящую длань. Возможно, Владимир хотел тут же прикончить Рогнеду, но она умолила его сжалиться. Оправдываясь, княгиня произнесла трогательные слова: «Уж мне горько стало: отца моего ты убил и землю его полонил для меня, а теперь не любишь меня и младенца моего». Это остановило Владимира от немедленной расправы, он решил не

убивать жену сразу, но приказал ей надеть лучшие одежды и подготовиться на следующий день к смерти.

ПОКУШЕНИЕ РОГНЕДЫ УМЕРТВИТЬ

ВЛАДИМИРА 985.

975
ВЛАДИМИРЪ ПРОЩАЕТЪ РОГНЕДУ.

(Силово карманка 15^м)

Рогнеду спасла находчивость. Она успела вызвать к себе первенца, маленького Изяслава, дала ему меч и научила словам, которые тот должен был сказать при появлении отца. Когда Владимир вошел в покои, навстречу ему вышел Изяслав и, протягивая обнаженный меч, сказал: «Отче! или ты думаешь, что один здесь?» Убить мать на глазах у сына Владимир не решился. Он рассказал боярам о случившемся. Те посоветовали отдать Рогнеде с Изяславом полоцкие земли на княжение, навсегда выслать туда и исключить старшего сына из числа наследников.

Немалую роль в столь мягком решении, скорее всего, сыграло варяжское окружение князя, для которого Рогнеда была «своей». Согласно скандинавской традиции женщину убивать нельзя, а Рогнеда к тому же имела право на месть (в сагах описываются случаи, когда солидные матроны мстили мужьям за убийство своих отцов и братьев через много лет после случившегося). Соплеменники Рогнеды отнеслись к ее поступку с пониманием, а князь не хотел или побоялся портить отношения с самыми умелыми воинами своей дружины. Владимир мог также учесть, что в случае расправы над Рогнедой он навсегда лишался любви детей и превращал сыновей в будущих мстителей за мать.

Так или иначе, приблизительно в 988 году накануне больших перемен в своей жизни, киевский князь выслал Рогнеду, поселив вместе с Изяславом в полоцкой земле в верхо-

вьях реки Свислочь. Полоцк был к тому времени разрушен, и для опальной жены Владимир выстроил город Изяславль. Дети были разделены. Дочери остались с отцом в Киеве, а малолетние сыновья сразу же получили очень неплохие уделы, которые можно расценивать как отступное за удаление их матери. Можно допустить, что после расставания оба супруга вздохнули свободнее, а Рогнеда, впервые после пленения обрела покой и утерянное достоинство. Она вернулась на земли своих предков и, наконец-то получила положение, к которому ее готовили с детства. Удалив непокорную Рогнеду, Владимир занялся подготовкой к династическому союзу, который мог значительно повысить его политический престиж. Киевский князь посватался к византийской царевне Анне. Это был весьма рискованный поступок. В свое время попытку получить руку дочери басилевса* предпринимали западно-римский император Оттон II и французский король Гуго, и оба – безрезультатно. Но Владимир, выбрав момент, когда Византия нуждалась в военной помощи, обещал дать войско и со своей стороны выдвинул условие – брачный союз с Анной.

**Басилевс – титул византийских императоров*

Владимир выполнил свою часть условия соглашения, а Византия, получив шесть тысяч воинов, решила позабыть о данном обещании. Собственно, там с самого начала не собирались выдавать дочь императоров за князя – язычника, и Владимир сумел добиться своего, только применив силу.

В 988 году он захватил Корсунь, потребовал от византийских императоров Василия II и Константина VIII привезти их сестру, а в случае отказа пригрозил пойти на Константинополь. Выхода у Византии не оставалось. В том же году Владимир принял христианство и обвенчался в Корсунь с царевной. Теперь, став христианином, он мог иметь только одну жену и должен был расстаться со всеми остальными языческими супругами. Можно предположить, что Владимир так и сделал, отослав их вместе с сыновьями в различные уделы. С Рогнедой он проявил широту души. На обратном пути из Корсунь в Киев князь послал ей известие о своем христианском браке и предложил также обрести счастье в новом супружестве: «Теперь, крестившись, я должен иметь одну жену, с которой вступил в христианский брак; ты же выбери себе мужа из моих бояр, кого пожелаешь». На это Рогнеда ответила в полном соответствии с тем, как она понимала свое положение и статус, полученный при рождении: «Я – природная княгиня и лучше уйду в монахини».

В полоцкой земле Рогнеда почувствовала себя полноправной хозяйкой и с регентством при малолетнем Изяславе справилась блестяще. Когда тот подрос, она передала ему полную казну, достойную дружину и двор. Изяслав получил прекрасное образование, и в летописях его описывают, как умного, образованного человека. Воспитан князь также был хорошо – «и тихий, и кроткий и смиренный, и милостливый». Кротость, пожалуй, была излишней чертой для правителя,

но иным сын у столь энергичной и властной матери быть не мог. Князь женился на выбранной Рогнедой невесте и родил двух сыновей. Так образовалась полоцкая ветвь Рюриковичей.

Укрепив власть сына и наследование княжества, Рогнеда удалилась от мира. Она уже давно стала христианкой и теперь приняла постриг под именем Анастасия в основанном ею под Изяславем Спасо-Преображенском монастыре. Память о Рогнеде свято чтилась полоцкими властителями, считавшими ее своей родоначальницей, и даже называвшими себя не Рюриковичами, как все остальные князья, а Рогволодовичами (историки иногда даже называли их Рогнедовичами). Изяслав скончался в 1000 году, за год до него умерла Рогнеда, но княжество, основанное ими, оказалось крепким. Княжич Брючислав, оставшийся без отца в возрасте четырех лет, смог удержаться у власти, а полоцкое княжество в течение долгих лет оставалось независимым от Киева.

Победы Рогнеды на этом не закончились. Ее потомство оказалось гораздо удачливее и талантливее, чем от других жен Владимира. Полоцкая ветвь дала знаменитого таинственного князя Всеслава, который вошел в фольклор как кудесник и чародей. Его внука – просветительница Евфросиния Полоцкая (святая, канонизированная православной и католической церквями), следуя примеру Рогнеды, возводила монастыри и церкви. Младший сын Рогнеды – Ярослав стал великим правителем, и, не забыв о печальной участи,

достигшей его мать, юридически закрепил право женщин на самостоятельный выбор мужа.

О дочерях Рогнеды известно мало. Только старшая – Предслава упоминается в летописях, возможно из-за судьбы, роковым образом повторившей судьбу матери, и роли, которую княжна сыграла в истории. После развода родителей Предслава вместе с другими сестрами жила в Предславине. Она пользовалась уважением и авторитетом у горожан, но жила в отдалении от отцовского двора. Новая жена Владимира византийка Анна считала всех детей от его языческих браков незаконнорожденными, а сам князь не собирался давать дочерям большое приданое. Судя по всему, женихи не обивали порога их девичьего терема. Но Предслава (по записям польского хрониста Мартина Галлуса) была так умна, благовоспитанна и хороша собой, что к ней посватался польский король Болеслав Храбрый. Надменным нравом и решительностью Предслава, видимо, пошла в Рогнеду. Она не дала согласие на брак и, не стесняясь в выражениях, объяснила это тем, что жених «толст и склонен к прелюбодеянству». Пожилой король, действительно разжиревший ко времени сватовства так, что с трудом садился на коня, отнесся к отказу болезненно. Тучность не мешала ему оставаться прекрасным воином, и Храбрым этот король был прозван не напрасно, что и доказал в войне, которая развязалась после смерти Владимира между его наследниками. Когда в 1015 году Владимир умер, «сын двух отцов» – Святополк захватил

киевский престол. Он убил князей Бориса и Глеба, а Ярослава, княжившего в то время в Новгороде, сумела спасти Предслава. Она послала брату гонца с известием о событиях в Киеве и о том, что Святополк затевает против него недоброе. Затем княжна активно включилась в борьбу между братьями, бесстрашно укрывая у себя противников Святополка, обратившегося за помощью к польскому королю. Война шла с переменным успехом, и Киев переходил из рук в руки. В 1018 году его занял Болеслав Храбрый, и Предслава вместе с сестрами попала в плен.

Болеслав Храбрый и Святополк у Золотых ворот Киева. Я.Матейко, 1884(слева на носилках – Предслава).

Рогнеда к тому времени давно покоилась под Изяславлем и не узнала о печальной участи дочери. Место захоронения Рогнеды неведомо, но память о ней сохранилась в названиях. Под Заславлем (бывший Изяславль) есть курган Рогнеды, ручьи Княгинька и Черница, а в самом городе поставлен памятник неукротимой княгине и ее сыну, где Рогнеда уверенно поднимает над головой корону.

Памятник Рогнеде и Изяславу в Заславле. Скульпто-

рА.Артимович

Императрица Адельгейда Всеволодовна

Так могла выглядеть княжна Евпраксия Всеволодовна(Г.БюсьерИзоolda Белокурая).

О княжне Евпраксии Всеволодовне известно очень мало, значительно меньше, чем об Анне Ярославне, ее тетке, хотя та была женой короля, чье государство было маленьким и провинциальным, а мужем Евпраксии был император могучей Священной Империи. История Евпраксии странная, темная, а ее семейная драма породила грандиозный скандал, потрясший весь христианский мир.

Евпраксия родилась в 1071 году в семье киевского князя Всеволода Ярославича от его второго брака с половецкой княжной. Девочка подрастала, пора было думать о женихе. Русские невесты в те времена ценились. Три тетки Евпраксии – Анна, Анастасия и Елизавета вышли замуж за королей, сестру Янку сосватали за сына византийского императора, и Евпраксия готовилась покинуть пределы отцовских владений. Жениха для двенадцатилетней княжны нашла вдова ее дядюшки Вячеслава Ярославича Ода фон Штаден. Это был родственник Оды – маркграф* Генрих фон Штаден по прозвищу Длинный.

**Маркграф – правитель пограничного округа- марки*

Внешне он был не особенно хорош, но союз с могущественным и богатым владетельным домом Саксонии представлял интерес для Киева, а красоты невесты с лихвой хватало на двоих.

В 1083 году Евпраксия простилась с родными, и посоль-

ство с огромным приданым, нагруженным на лошадей и верблюдов, тронулось в путь. По прибытии в Германию Евпраксию поместили в Кведлингбургский монастырь. Там ей надлежало находиться до брака, изучая немецкий язык, и привыкая к стране, которая должна была стать ее новой родиной. Кведлингбургский монастырь выбрали для русской княжны не случайно. В нем получали образование дочери знатных особ, а игуменьями назначались женщины королевской крови. Ко времени прибытия Евпраксии в монастырь аббатисой была сестра императора Священной Римской империи* Генриха IV Адельгейда.

Кведлинбургское аббатство

** Священная Римская империя (с 1512 года – Священная Римская империя германской нации) – государственное образование, существовавшее с 962 по 1806 годы и объединявшее многие территории Европы*

Она сразу же проявила дружеское участие к знатной иностранке и взялась опекать ее. Юная Евпраксия, которой было одиноко в чужом краю, откликнулась на заботу горячей признательностью и доверием. Ей нравились изысканные манеры аббатисы, и было приятно ее ласковое обращение. Княжна, правда, не могла понять, почему столь родовитая, не особенно благочестивая, привлекательная женщина предпочла радостям светской жизни монастырское уединение, но спросить постеснялась. Возможно, если бы Евпраксия узнала страшную правду о причине ухода Адельгейды от мира, ее жизнь сложилась иначе.

Жизнь в монастыре не была полностью закрытой, своих родственниц там часто посещали знатные посетители. Приезжал и брат аббатисы, который сразу же обратил внимание на иностранку. Ничего удивительного в этом не было. Отец русской княжны Всеволод считался самым красивым из сыновей Ярослава Мудрого; мать, половецкая княжна, была также очень хороша собой. Смешение славянской, скандинавской (бабушкой Евпраксии была шведская королева) и степной кровей создало эффект, который зафиксировали хронисты, отметившие, что русская княжна замет-

но отличалась от женского окружения императора. На фоне этой живой, широкоскулой, сероглазой девы придворные дамы Генриха выглядели довольно блекло. Беседовать с Евпаксией также было интересно. Она получила очень неплохое образование в доме своего отца. Сам Всеволод владел пятью языками, его детей обучали по традиции, принятой во владетельных русских семьях, и княжны Киевской Руси были несравнимо образованнее «теремных затворниц» более поздних времен. До татаро-монгольского нашествия их наравне с княжичами обучали не только грамоте, но и математике, азам философии, «врачебной хитрости», календарной астрономии, риторике и иностранным языкам.

Итак, Генрих отметил красоту и образованность юной невесты маркграфа Штаденского, ей внимание императора также нравилось, но этим отношения ограничились. Евпаксия готовилась к свадьбе, и в 1086 году, перейдя в католичество и приняв имя Адельгейды, традиционное для салической династии**, она вышла замуж и стала маркграфиней.

***Салическая династия – Салическая (Франконская) династия (нем. Salier) – династия королей Восточно – Франкского королевства (Германии) и императоров Священной Римской империи.*

Брак продлился недолго. Через год после свадьбы Генрих Длинный при невыясненных обстоятельствах скончался, и маркграфом стал его брат. Будущее бездетной вдовы казалось туманным, и тут к ней посватался недавно овдовевший

император. Генриху, безусловно, очень нравилась Адельгейда (под этим именем Евпраксия войдет в европейскую историю) но романтику существенно подкреплял политический расчет. Саксонские правители были в оппозиции к императору, и брак с вдовой фон Штадена являлся частью мирного соглашения с ними. Евпраксии же отводили роль заложницы, гарантирующей его гарантирующей его выполнение.

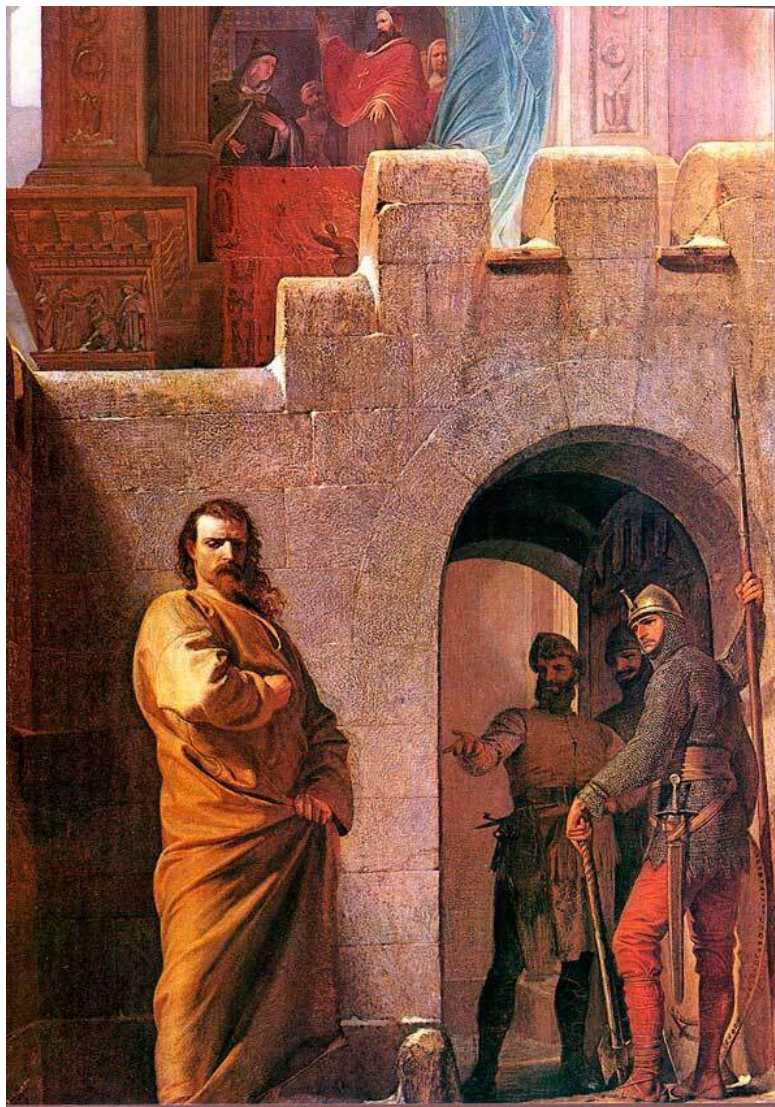
Император Генрих IV. Ян ванЭйлерт, 1664 г.

По неподтвержденным сведениям, она стала женой Генриха без благословения отца. Всеволод Ярославич этого союза не одобрил, как по политическим соображениям (Византия была заодно с папой – врагом императора), так и из-за скандальной репутации германского монарха. Русь тогда еще была частью Европы, и слухи о семейных неурядицах и распущенности будущего зятя донесли до киевского двора. Доходили они и до Евпраксии, но подобно многим женщинам, вдовствующая маркграфиня считала, что с ней император станет другим.

Случилось же следующее. Император не желал делить свою власть с Римом и вступил в открытую борьбу с папой Григорием VII. Тот предал Генриха анафеме и освободил его подданных от вассальной верности, чем тут же воспользовались немецкие князья, отказавшиеся подчиняться монарху, отлученному от церкви. Чтобы остаться на престоле, у императора не осталось другого выхода, как признать своё поражение. В январе 1077 года он прошел через Альпы в Каноссу, чтобы встретиться с папой и покаяться.

Три дня ожидал Генрих соизволения на встречу. В одежде кающегося грешника, босой он стоял на снегу и лелеял планы мести. Перед папой император предстал коленопреклонным и получил прощение. Так, выражение «хождение в Каноссу» стало нарицательным и означало крайнюю степень отчаяния и унижения. Аббатиса Адельгейда активно поддер-

живала брата в исполнении его матримониальных планов. И причина, по которой она помогала, была далека от политики и альтруистического желания устроить судьбу Евпраксии. Послухам, аббатиса долгие годы состояла с императором в кровосмесительной связи. Когда принцесса Адельгейда была совсем юной, Генрих вместе с одним своим другом изнасиловал ее. Именно поэтому Адельгейда ушла в монастырь, отказавшись от счастья стать женой и матерью. Но Генрих, сломавший жизнь сестры, продолжал сохранять над ней необъяснимую власть. Аббатиса боготворила брата и, возможно, из какого-то извращенного чувства подталкивала молоденькую вдову к браку со своим любовником.

Генрих

IV

и папа Григорий

VII

в Каноссе. Э. Швойзер.

Генриху в то время было тридцать восемь лет, Адельгейде – всего восемнадцать, но разница в возрасте ее не пугала. Ведь жених был не князем, не королем, а императором! Для дочери Киевского князя это, безусловно, имело значение. Ее тетки были женами французского, венгерского, датского королей, и статус императрицы безмерно льстил самолюбию. Правда, судьба одной из Ярославен сложилась драматично и доказывала, что корона не гарантирует счастья. Но новоявленная Адельгейда предпочитала не задумываться, твердо веря в удачу и свое высокое предназначение. Историю первого брака тетушки Елизаветы Ярославны она прекрасно знала. Став королевой, та не теряла связи с Киевом и ее семейные проблемы живо обсуждались в девичьей светлице. Княжну же интересовали не династические и супружеские перипетии жизни средней Ярославны, а песни, сложенные в ее честь. Их сочинил норвежский принц Харальд, служивший при дворе Ярослава Мудрого. Влюбившись в Елизавету, он попросил ее руки, но русская княжна отказывалась выходить замуж, пока Харальд не прославится.

Монета Харальда с его изображением

Так гласит официальная версия. Скорее всего, Елизавета не пожелала связывать свою жизнь с викингом, чье будущее было неопределенно, а перспективы стать королем сомнительны. Ярослава Мудрого также не устраивал статус норвежца. Харальд, тем не менее, стал королем, известным под

прозвищем Суровый, а до этого совершил множество подвигов, и обессмертил свою любовь стихами, где жаловался на пренебрежение гордой красавицы в трогательном припеве: «А, я, о, несчастный от русской богини вестей не дождался».

Песни викинга были прекрасны, повлияв на поэзию авторов поздних времен (и, в частности, Киплинга и Гумилева), но литература и жизнь как это часто бывает, имели мало общего. В Норвегии, куда последовала за Харальдом Елизавета, этот христианский владетель обзавелся второй женой. Ее звали Торой, и она принадлежала к знатному роду. Двоеженство короля имело политический смысл и объяснялось не только традицией полигамии, которая трудом изживалась в Скандинавии.

Конунги были практичны. И случалось, что, женившись ради престижа и богатого приданого на иностранной принцессе, они одновременно «заводили» еще одну жену – соотечественницу, брак с которой заключался для укрепления связей со знатными родами внутри страны. Так Елизавете, которую называли теперь, Эллисиф, пришлось делить Харальда с другой женщиной. Русская княжна родила двух дочерей – Марию и Ингигерд, а Тора – двух сыновей.

Возможно, что Тора, не была признана как полноправная жена Харальда, ибо в отличие от Эллисиф в документах ее никогда не называли термином «государыня королева», но факт остается фактом, Елизавета имела соперницу, дети которой после смерти отца стали королями. Простить этого она

не могла, и большую часть своей супружеской жизни прожила отдельно от Харальда. После его гибели в битве с англичанами Елизавета вышла замуж за датского короля и восстановила поправное достоинство. Евпраксия в браке с германским императором потеряла его безвозвратно.

Политическая борьба сочеталась у императора со столь же яростной внутрисемейной войной. С женой Бертой Савойской, которая родила ему пятерых детей, Генрих жил отвратительно. Впрочем, поладить с этим необузданным человеком не мог никто из родных, и его отношения, вернее издевательства над супругой, не раз служили темой обсуждения на съездах немецких князей. А при европейских дворах, в замках и трактирах с восторгом пересказывали забавный анекдот из жизни императора.

Генрих хотел расстаться с Бертой и не раз обращался в Рим за разводом, поводом к которому могло бы стать нарушение супружеской верности. Но добродетельная Берта была неколебимо верна мужу.

И тогда Генрих, решил сам организовать «измену», и приказал одному из придворных соблазнить императрицу. Берту либо предупредили, либо она была достаточно умна, чтобы разгадать нечистую игру, но мнимо влюбленного раскусила и согласилась на свидание в опочивальне.

В назначенный час Генрих вместе с сообщником пришел к «изменнице», дабы уличить ее и возможно, убить на месте преступления. На условный стук императрица открыла

сама, и, впус­тив су­пру­га, за­хлоп­ну­ла дверь пе­ред носом со­блаз­ни­те­ля. Рас­тер­яв­ше­го­ся Ге­нри­ха тут же же­сто­ко из­би­ли служан­ки (по дру­гой вер­сии – пе­рео­де­тые в жен­ское пла­тье муж­чи­ны). Им­пе­ра­три­ца не от­ста­ва­ла от них, в­кла­ды­вая в у­да­ры всю свою ис­стра­дав­шую­ся ду­шу и не об­ра­щая вни­ма­ния на то, что ее су­пру­г вы­кри­ки­ва­ет свое имя. Сле­ды же от по­бо­ев ока­за­лись столь яв­ствен­ны на ли­це и теле Ге­нри­ха, что он был вы­нуж­ден на­дол­го ук­ры­ться в сво­их по­ко­ях.

Эту ис­то­рию по­том рас­ска­зы­ва­ли, как слу­чив­шую­ся уже с Адель­гей­дой, и она слиш­ком хо­ро­ша, что­бы быть прав­дой. Объяс­нее же кро­ется в дур­ной сла­ве Ге­нри­ха – из­за нее анек­доту ве­ри­ли, как ве­ри­ли слу­хам о стран­ном сов­па­де­нии смер­тей пре­ж­них су­пру­гов им­пе­ра­тор­ской че­ты.

Но до гран­ди­оз­ных разоб­ла­че­ний бы­ло по­ка да­ле­ко. Бу­ду­щая ге­ро­иня скан­да­ла, ко­то­рый про­гре­мит на всю Евро­пу, тор­жес­твен­но об­вен­ча­лась 14 ав­густа 1089 го­да в Кельн­ском со­бо­ре с им­пе­ра­то­ром, а на Ро­ж­дес­тво там со­сто­я­лась ее ко­ро­на­ция.

За но­вую им­пе­ра­три­цу воз­но­си­лись мо­лит­вы, и ка­залось, что неук­ротимый Ге­нрих, на­ко­нец, остепе­нил­ся. Адель­ге­да бы­ла со­вер­шен­но счаст­ли­ва и да­же пред­ста­вить не мо­гла, ка­ким адом об­ер­нется для нее жизнь с но­вым мужем. Сло­во ад бы­ло самым вер­ным. Счи­та­ется, что Ге­нрих со­сто­ял в сек­те ни­ко­лаи­тов*, на со­бра­ни­ях ко­то­рых ус­траи­ва­лись чер­ные мес­сы и ор­гии.

**Николаиты – еретическая секта, члены которой ве-*

ли полуязыческий образ жизни, практиковали общих жен, и «побеждали» чувственность через удовлетворение чувственных страстей.

Возможно, таким образом, униженный во время «хождения в Каноссу» император выражал свой протест против власти Рима. Вместе с Генрихом в безумных, страшных сборищах участвовали придворные и... императрица, не сумевшая воспротивиться мужу, который приказывал ей отдаваться всем, кто пожелает. То, что император обладал нездоровым, извращенным сознанием, не вызывает сомнения, но его поведение могло иметь и политическую подоплеку. По версии немецких историков надругательства над Адельгейдой являлись карой заложнице, которую император получил от саксонских правителей. Они не выполняли своих обязательств, но были недосыгаемы, и жертвой стала ни в чем не виноватая вдова их прежнего маркграфа.

Судьба чужеземки мало волновала саксонцев. Почему она не обратилась за помощью киевского князя, осталось неизвестным. Может быть, из-за того, что ее отец был против брака с императором, может быть, стыдилась обнаружить перед родными свое унижение. Нельзя исключить, что Генрих обладал какой-то странной, гипнотической властью над своими жертвами. Пример тому – кведлинбургская аббатиса, до конца жизни сохранившая преданность своему брату – развратителю.

Когда скончался отец Адельгейды, и стало ясно, что Ки-

ев теперь уже никогда не поддержит императора в борьбе с его врагами, тот решил расстаться с женой. В Вероне, где в апреле 1090 года вместе с супругом оказалась Адельгейда, стали разворачиваться бурные события. Там умер ее новорожденный ребенок, а император не проявил ни горя, ни сочувствия. Заставив жену участвовать в николаитских оргиях, он сомневался в своем отцовстве. Потрясение от потери ребенка, и, возможно, встреча с пасынком Генриха Конрадом привели к тому, что Адельгейда стала постепенно выходить из-под влияния мужа. Она активно включилась в политическую жизнь и начала с того, что раскрыла пасынку планы императора, который хотел лишить его наследства. После этого Конрад сразу же покинул Верону и перешел на сторону противников отца. Отъезд Конрада мог быть вызван и причинами морального порядка. Хроника гласит: «Конрад, сын императора Генриха восстал против своего отца по следующей причине. Король Генрих возненавидел королеву Адельхайду, свою жену, да так, что ненависть была еще сильнее, чем страсть, с какой он ее прежде любил. Он подверг ее заключению и с его позволения многие совершали над ней насилия. Как говорят, он впал в такое безумие, что даже упомянутого своего сына убеждал войти к ней. Так как тот отказался осквернить ложе отца, король, уговаривая его, принялся утверждать, будто он не его сын, а одного чужака, швабского герцога, на которого названный Конрад был чрезвычайно похож лицом».

Это версия, изложенная хроникой. Если же верить фактам, то Конрад покинул отца, оказавшегося в почти безнадежном состоянии в Италии, куда он вместе с семьей отправился на войну со своими противниками - папой Урбаном II и тосканской герцогиней Матильдой. Генриха, со всех сторон обложили враги, он оказался в западне и провел в Италии 4 года. Адельгейду (по ее версии) император действительно подверг заключению, причина которого осталась неизвестна. Одновременно Генрих стал требовать, чтобы Рим развел его с изменницей. Когда он пытался расторгнуть брак с первой женой, то выдвинул в качестве аргумента нецеломудренное поведение «propitio nartio prostitutes est».

Оставаться в заключении Адельгейде было опасно. Генрих впал в новое безумие. Он внезапно начал бешено ревновать жену к сыну и приказал организовать следствие по поводу ее измены с Конрадом (влюбленность друг в друга у них, судя по всему, была). Императрица поняла, что ее могут казнить и, как пишет тот же хроникер: «королева после множества неслыханных оскорблений, нанесенных ей без вины, каким-то образом по милости Божией освободившись бегством из заключения, в котором находилась». Адельгейде действительно удалось бежать, и помогла ей в этом могущественная и воинственная герцогиня Матильда Тосканская, которую современники несколько высокопарно называли новой Деборой*.

** Дебора – героиня библейской книги Судей, четвертая по*

счёту судья Израилева и пророчица эпохи Судей (XII-XI в. до н. э.). Стала вдохновительницей и руководительницей войны против ханаанейского царя Явина.

Матильда Каносская. Фр. Пармиджанино

Умная герцогиня вполне соответствовала своему библейскому прототипу и мгновенно поняла, какое мощное оружие против Генриха получила в руки. Действовала она без промедления. Ее супруг швабский герцог Вельф с отрядом воинов ворвался в башню, где находилась опальная императрица, освободил пленницу и отправил в замок Матильды, находящийся в Каноссе.

Воистину это было роковое место для германского императора. Унижение, который он вынес, на коленях вымаливая прощение у папы, был просто ничтожно по сравнению с предстоящим позором. Матильда, поднаторевшая в политической борьбе, подсказала Адельгейде блестящий способ отомстить мужу. По совету герцогини та написала новому папе Урбану II грамоту, в которой изложила жалобы на Генриха, и предельно откровенно, не щадя себя, рассказала обо всем – о черных мессах и о своей ужасной роли в «любодеяниях» николаитов.

Матильда Тосканская мгновенно размножила грамоту и разослала ее ко всем высокопоставленным священнослужителям католического мира. Потом она представила императрицу Урбану II, который уговорил молодую женщину выступить на церковных соборах. Для этого требовалось немалое мужество, но Адельгейда согласилась и свидетельствовала против Генриха на соборах в Констанце в апреле 1094 года и в Пьяченце в марте 1095 года. Она рассказала о при-

нуждении мужем к супружеским изменам, а также обвинила императора в организации оргий и сатанизме.

Большинство немецких историков считают признания Адельгейды ложью, но так или иначе, для нее этот поступок оказался равносильным гражданскому самоубийству и имел печальные последствия. Вести о тайной жизни Генриха IV разнеслись по всему свету. Папа Урбан II предал его анафеме, жалоба императрицы была признана справедливой, и она получила отпущение грехов «в которых покаялась добровольно и публично, и к которым ее принуждали тяжелейшим насилием».

Генрих пришел в отчаяние. Его престижу был нанесен сокрушительный удар, и восстановить прежнее положение император уже не мог. Его второй сын, также Генрих, следуя примеру Конрада, отрёкся от отца, восстал против него и заключил в тюрьму. Императору пришлось отречься от престола, и он скончался в изгнании.

Судьба Адельгейды после ее выступления против мужа сложилась печально. Некоторое время она жила в Италии, по-видимому, при дворе Конрада и его жены норманнской принцессы Констанции. Но вскоре оставаться там стало опасно. Генрих жаждал мести, и появились вполне правдоподобные слухи о неких подозрительных личностях, возможно, наемных убийцах, подосланных императором. В Италии Адельгейда, сыгравшая свою роль для отстранения императора от власти, уже никому не была нужна. Она от-

правилась в Венгрию к своей тетке королеве Анастасии Ярославне, но и там не задержалась. Анастасия была занята борьбой за престол, и скомпрометированная родственница была при ее дворе нежеланной гостьей.

На Родину, в Киев, куда возвратилась бывшая императрица, также докатилось эхо общеевропейского скандала. Поступок женщины, решившейся выступить против мужа и обнародовавшей подробности своей семейной жизни, осудили, и в княжеской семье бывшую императрицу встретили прохладно.

Приютила ее сестра Янка (Анна), тогдашняя настоятельница Андреевского монастыря. Жизнь обеих сестер была разрушена, и их сблизило горе (брак Янки с византийским царевичем Константином Дукой Старшим не состоялся, так как жениха насильно постригли в монахи). Янка приняла иноческий сан, посвятила большую часть жизни делам церкви и основала первую на Руси школу для девочек. Там, в монастыре над Днепром, 6 декабря 1106 года Евпраксия - Адельгейда приняла постриг, и через три года, всего лишь тридцати семи лет от роду скончалась. За некогда знаменитой императрицей Священной Римской империи на родине закрепилось прозвище волочайки (распутницы), с которым она вошла в былины. А в «Ипатьевской летописи» осталась запись: «В лето 6617 (1109) выпало преставиться Евпраксии, дочери Всеволода, месяца июля 9 дня, и положено было тело ее в Печерском монастыре у южных дверей, и сооружена

была над ней божница, где лежит тело ее».

Божьим гневом королева Англии

Алиенора Аквитанская. К. Крафт

«Как пешками она играла целыми странами, от западной окраины мира вплоть до отдаленного востока – Ирландией и Шотландией. Наваррой и Сицилией и Иерусалимским королевством. Ей шахматной доской служил весь мир».— так написал об Алиеноре Аквитанской Лион Фейхтвангер и не погрешил против истины.

А началось все 25 июля 1137 года в Бордо, когда юная герцогиня Аквитанская Алиенора стала женой французского принца Людовика. Четырнадцатилетняя невеста держалась гордо и значительно увереннее, чем ее хрупкий жених, о котором уже тогда говорили, что он больше походит на монаха, чем на государя. И действительно, Людовика не готовили стать королем, он стал наследником престола из-за внезапной смерти старшего брата. До этого принц жил и учился в аббатстве Сен – Дени, наслаждаясь тишиной монастырской жизни и мечтая стать прелатом. Но красавица Алиенора была полна весенней прелести, сияла как роза, омытая росой, и набожный Людовик не жалел о перемене в жизни. Он влюбился без памяти, был счастлив, и вместе с ним радовался весь народ. Вместе с рукой Алиеноры их сюзерен получал огромное богатство и могущество. В приданое герцогиня приносила Аквитанию, Гасконь, Пуатье, и эти плодородные земли почти в четыре раза превосходили скромные владения французского короля. Лучшей невесты для наследника французского престола пожелать было нельзя, и все же придворные поглядывали на юную новобрачную встревоже-

Свадьба Алиеноры и Людовика. Миниатюра XIV века

Столетие назад у французского короля Роберта также была жена с юга – Констанция Аквитанская. Эта властная и обладающая слишком вольными на взгляд северных баронов манерами дама, привезла с собой трубадуров. Вот что писал о них хронист Рауль Глабер: «Это были люди без веры, в чьих

душах не было места нравственности или скромности; своим заразительным примером они растлевали французов, побуждая тех предаваться всем видам разврата и порока. Бороды они брили, волосы носили длиной до середины спины, а их заканчивавшиеся чем-то вроде изогнутого клюва смехотворные башмаки изобличали умственное расстройство владельцев».

Менестрели

Трубадуры, о которых писал Глабер, действительно выглядели и вели себя несколько эксцентрично. Но французские дамы отдавали предпочтение им. Это доводило дворян короля Роберта до бешенства, и воспоминания о непристойных чужаках до сих пор терзали сердца их потомков. Настораживала и наследственность Аквитанской принцессы. Ее дедом был знаменитый Гийом IX Трубадур – великодушный, остроумный, распутный властитель и поэт – первый из трубадуров, воспевавший куртуазный идеал. Алиенора унаследовала от него яркую фамильную красоту вкус к поэзии и веселый нрав. С этим еще можно было смириться. Но Алиенора получила от своих великолепных предков также легкомыслие и страсть к приключениям, что впоследствии привело к серьезным проблемам для ее супруга и всего королевства.

Гийом

IX

Трубадур

Пожилые придворные ворчали, молодые продолжали беспечно праздновать. Казалось, что веселье, будет длиться вечно, как вдруг пришло известие, что король Людовик VI скончался. Теперь к аквитанской короне Алиеноры прибавилась

французская, и в Париж она въехала уже королевой. Используя свои богатства и любовь к роскоши, Алиенора украсила мрачные залы королевской резиденции на острове Сите, созвала трубадуров и создала двор, напоминающий ей веселую, солнечную Аквитанию. В покоях королевы звучала музыка, стихи, игривая, дерзкая болтовня, и, разумеется, комплименты. Точного описания внешности Алиеноры не сохранилось, но современники говорили, что она была ослепительна, обольстительна и *regulchra*, то есть обладала изумительной, превосходящей разумею красоту. Облик королевы, безусловно, соответствовал всем канонам, по которым совершенная дама должна была быть стройной, белокожей, голубоглазой и золотоволосой. Последнее – вполне вероятно. Свое имя королева получила в честь матери – Аэноры де Шатильо, и оно означало другая Аэнора (лат. *alliaAenor*). У французских придворных имелась еще одна версия. Этимологию имени Алиенора они объясняли соединением слов *alie* (*aigle* – орел) и *or* (золото). Это могло означать, что у королевы были золотые или рыжие волосы и одновременно намекало на ее властный характер.

Первые годы брака Людовик находился под сильным влиянием своей юной, избалованной поклонением жены, что не приносило пользу королевству и вызывало справедливое недовольство подданных. Алиенора поссорила Людовика с матерью, добилась удаления его мудрейшего советника аббата Сугерия, спровоцировала кон-

фликт с папой, который подверг Францию интердикту*.

довик и Алиеонора. Хроники Сен - Дени

**Интердикт (лат. interdictum – запрещение) – в римско-католической церкви временное запрещение всех церковных действий и треб (миропомазания, исповеди, бракосочетаний, евхаристии), налагаемое папой или епископом. Часто интердикт налагался на население целой страны или города, гораздо реже – на отдельных лиц. Интердикт в отношении определённого лица обычно называют отлучением от церкви.*

К счастью для Франции Людовик сумел опомниться, перестал слушать свою легкомысленную супругу и отправился в Крестовый поход.

Алиенора и Людовик

VII

. Миниатюра. Хроники Сен -Дени

Королева последовала за Людовиком вместе со своими да-

мами. В ее поступке не было ничего особенного. Во время первого Крестового похода многие сеньоры брали с собой жен, и о женщинах, участвовавших в нем, слагались легенды. В одной из них матерью грозного военачальника мусульман Зенги, с которым собирались сражаться рыцари, называлась бесстрашная амазонка маркграфиня Ида Австрийская. Она отправилась в поход одновременно с дедом Алиеноры Гильомом Трубадуром, пропала без вести, и как говорили, стала любимой женой в гареме какого-то властителя.

Посвящение.

Эдм.Б.Лейтон, 1908

Алиенора ничего не боялась, жаждала приключений и не собиралась отказываться от них. Примеру королевы последовали другие знатные особы – графиня де Блуа, Сивилла Анжуйская, графиня Фламандская, Феида Тулузская, Флорина Бургундская. Дамский корпус выглядел весьма репрезентативно, но Людовика осуждали. Вместе с королевой в путь отправилось несметное количество возов с коврами, нарядами, драгоценностями и служанками, присутствие которых вносило приятное разнообразие в жизнь воинов, но явно отвлекало их от благочестивой цели.

В походе Алиенора поддалась очарованию Востока и так похорошела, что ее супруг начал испытывать некоторое беспокойство. Столица Византии, Константинополь, куда Алиенора прибыла вместе с королем, превзошла все ожидания. Пышность городских дворцов, красота площадей и церквей ошеломляла, празднества длились в течение трех недель, а на пирах королева сидела рядом с императором Мануилом Комнином, знаменитым воином и образованным человеком. Его тучная простоватая жена Берта Зульцбах раздражала Алиенору своей скромностью. Королева кусала губы от зависти, представляя, как восхитительно выглядела бы в роли византийской императрицы и вымещала свое раздражение на Людовике. А он желал, как можно быстрее покинуть роскошный Константинополь, развращающий его вои-

нов. Между супругами назревал конфликт. Неподдалеку от Кадмоских гор из-за легкомыслия аквитанских рыцарей войско подверглось внезапному нападению мусульманской конницы и едва не погибло. В бою Людовик проявил отвагу и показал себя настоящим военачальником, а Алиенора разделила со своими любимыми аквитанцами ответственность за происшествие. Недовольство безрассудными южанами и их предводительницей росло и усилилось в Антиохии, где репутации королевы был нанесен серьезный урон.

Правителем этого озаренного солнцем княжества являлся дядя Алиеноры – Раймунд де Пуатье, об удивительных приключениях которого рассказывали по вечерам во всех европейских замках. Раймунд, как написано в летописях, был красивее всех своих современников и «превосходил их всех в искусстве владеть оружием и в рыцарской науке». Кроме того, он любил поэзию, трубадуров, и при его дворе царил чисто аквитанская атмосфера веселья. Дядя был всего на восемь лет старше своей племянницы, у них было множество общих воспоминаний и тем для разговоров, и они явно наслаждались обществом друг друга.

Встреча в Антиохии Раймонда де Пуатье и Людовика VI. Ж. Коломби, С. Мармеро, 15 век

Всего десять дней провели Людовик и Алиенора в Антиохии, но эти несколько дней оказались роковыми, и оказали влияние не только на их судьбы, но на ход мировой истории. Разногласия же между королем и Раймундом начались уже при разработке плана военной кампании. Прав был антиохийский властитель, но всем его доводам король противо-

поставлял непреклонное упорство. Оно объяснялось ревностью. Людовик был по-прежнему влюблен в Алиенору, а та чересчур рьяно поддерживала планы своего привлекательного дяди.

Вскоре между супругами произошла бурная ссора, и Алиенора пригрозила, что если крестоносцы не окажут поддержки Раймунду, то она останется со своими вассалами в Антиохии. Людовик ответил, что воспользуется супружескими правами и силой принудит ее покинуть территорию княжества. И тут Алиенора произнесла ошеломившую всех фразу, что неплохо было бы проверить законность этих супружеских прав, поскольку в глазах Церкви их брак недействителен, ибо с точки зрения канонического права они состоят в слишком близком родстве.

Историки потом объясняли размолвку королевской четы накопившимся недовольством друг другом. Людовик ревновал Алиенору не только к Раймунду, но и ко всем очарованным ее красотой мужчинам. Сказалась и усталость. Участники похода были измотаны переходами по незнакомой местности, бездорожьем, изнуряющей жарой, жаждой, бессонными ночами и ожиданием внезапного нападения. Правда, после всех испытаний вспоминали только подвиги и пиры между битвами, участники которых веселились словно в последний раз в жизни. Для многих она и заканчивалась на другой день под ударом сарацинского меча. Раны и болезни тоже собирали свою печальную дань с крестоносцев.

Так или иначе, но в отношениях королевской четы образовалась глубокая трещина, и вызвано это было не только предполагаемым романом между Алиенорой и Раймундом. Французская королева уже не была той капризной и избалованной девочкой, которой она отправлялась в поход. Во время пребывания в Константинополе и Антиохии Алиенора в полной мере ощутила прелесть дипломатических игр, политических интриг и жаждала принимать в них самое активное участие.

Королева увидела византийского императора, провела много времени со своим куртуазным дядей, с головой окунулась в сказочную атмосферу Востока и сравнила эту жизнь с пресным однообразием французского двора. Ее супруг, богобоязненный, порядочный, но скучный явно проигрывал в сравнении с блистательными властителями Антиохии и Византии. Король, почувствовал это, захотел, исправить ситуацию, указав Алиеноре ее место, и по совету баронов заставил супругу покинуть вместе с ним Антиохию.

Дальнейшие события полностью доказали правоту Раймунда де Пуатье. Крестовый поход потерпел жалкое поражение, а французский король и королева возвратились в Европу на разных судах. Когда они оказались в Италии и встретились с папой Римским Евгением III, тот попытался примирить их и начал с того, что приказал спать в одной постели, которую самолично украсил драгоценными тканями. Папа знал, что делал. Людовик, которого Алиенора насмешливо

называла монашкой, носил под богатой одеждой власяницу, отдавал много времени молитве и крайне редко восходил на супружеское ложе. Именно этим объяснялось мнимое бесплодие Алиеноры, которая подарила за шесть лет брака всего одну девочку.

Супруги, казалось, помирились, и в 1150 году у них родился второй ребенок. Но опять не наследник престола, появления которого они оба так желали, а дочь, названная Алисой.

После приключений Крестовского похода размеренная жизнь на берегах Сены для Алиеноры стала совсем безрадостной. Привыкшая к восхищению и обожанию рыцарей она ощущала недовольство придворных, до которых дошли слухи о поведении королевы в Антиохии. И они были ужасны. Об Алиеноре говорили, что она вела себя «скорее, как публичная женщина, нежели как королева».

Людовик не допускал жену к власти, а она чувствовала себя способной править. Алиенора, отстраненная от дел, смертельно скучала, и в это не самое счастливое для нее время она познакомилась с Генрихом, сыном графа Анжуйского Жоффруа Красивого, прозванного Плантагенетом из-за веточки дрока, (латинское название дрока – *plantagenista*), которой он имел обыкновение украшать свой шлем.

Жоффруа был женат на дочери английского короля и вдове императора священной Римской империи Генриха V, Матильде. В приданое мужу, которого она была старше на пят-

надцать лет, эта энергичная дама принесла притязания на корону Англии и Нормандское герцогство. Пока же в островном королевстве правил ее кузен Стефан, граф де Блуа, захвативший власть.

В 1151 году Жоффруа Плантагенет внезапно скончался, и его старший сын стал герцогом Нормандии. Это был весьма многообещающий молодой человек. Он обладал харизмой и задатками выдающегося правителя. В невестах Генрих недостатка не ощущал, тем более, что вскоре появилась возможность великолепного брачного союза. Ибо французская королева тем временем освободилась от супружеских уз и вновь стала «только» герцогиней Аквитанской.

По обоюдному согласию французской королевской четы брак между ними был признан недействительным из-за кровного родства. Людовик терял Аквитанию и огромные богатства, но даже не попытался удержать жену. Король был обычным человеком среднего ума и способностей, и яркая, энергичная Алиенора его утомляла. К тому же она не выполнила главного предназначения королевы – не подарила наследника. Вину за это тогда возлагали на женщин, и Людовик надеялся, что с другой женой ему повезет больше. И, наконец, короля продолжала терзать ревность и воспоминания о Крестовом походе.

Римский папа разводит Алиенору Аквитанскую. Миниатюра XV века

Супруги расстались, и Алиенора поспешила в свои огромные владения, которые Людовик, следуя обычаю, был вынужден ей возвратить. На богатую и теперь уже незамужнюю

даму по дороге в Пуатье была организована настоящая охота. Первую засаду устроил Тибо, граф Блуа, вознамерившийся похитить и силой заставить Алиенору стать его женой. Вторую засаду устроил молодой Жоффруа Плантагенет, младший брат Генриха. Алиеноре удалось ускользнуть от незадачливых женихов, но она задумалась. Ее земли были обширны, вассалы непокорны. Для защиты владений требовался защитник. И вскоре французский двор был скандализирован вестью из Аквитании. Всего через два месяца после расторжения брака с Людовиком Алиенора венчалась с Генрихом Анжуйским. Она действовала осмотрительно и осторожно. Планы нового замужества возникли, вероятно, во время пребывания Плантагенета в Париже за год до развода. Тогда же Генрих и Алиенора могли договориться о совместных действиях. Во всяком случае, она королева начала постепенно готовить плацдарм для отступления, заменив в своем герцогстве французских чиновников Людовика на аквитанцев.

К венчанию готовились тайно, и свадьба была скромна. Новобрачные не решились оскорбить Людовика, вассалами которого являлись, пышным празднеством. Выбор Алиеноры, явившийся неожиданностью для современников, был обоснован. Разница в возрасте не смущала. Генрих был на десять лет моложе Алиеноры, ей тогда было под тридцать. Но Аквитанская герцогиня находилась в самом расцвете своей ослепительной красоты, а Генрих выглядел старше своих лет. К тому времени это был вполне сложившийся, зрелый

человек, который вел войны и умело управлял своим герцогством. Он принадлежал к знатному роду, и имел очень серьезные виды на английскую корону, что имело существенное значение для его честолюбивой супруги. Кроме того, в отличие от французского короля Генрих был привлекателен и мужествен – мускулистый сероглазый мужчина со светло-рыжими волосами. Прекрасный воин и образованный правитель, он мог бы считаться идеальным рыцарем, если бы, как и все в его роду не был излишне беспокоен, подвержен «меланхолии» и припадкам бешеной ярости.

Суеверные современники объясняли эти странности происхождением рода Плантагенетов от злой феи Мелюзины, потомками которой они во всеуслышание себя объявляли. Но это демоническое создание было востребовано в качестве прародительницы, своего рода тотема, не только ими, но и другими знатными семействами. К потомкам Мелюзины охотно причисляли себя представители многих английских и французских аристократических домов. Они гордились своей прародительницей, как бы предупреждая – «мы не простые смертные». По легенде, мужчины из рода Мелюзины обладали сверхъестественной силой и мужеством, а женщины – неувядаемой красотой. Но фея наградила своих потомков и зловещими чертами. По одному из преданий, некий граф Раймондин взял в жены странную девушку, которая держалась особняком и не любила ходить в церковь. Это настораживало его придворных, и они однажды попыта-

лись заставить Мелюзину принять святое причастие. Она же закричала, и, прихватив двух своих детей, с дикими воплями выбросилась из окна; затем превратилась в дракона, облетела вокруг замка и скрылась.

Мелюзина. Юл. Хубнер

Мелюзина. Миниатюра из рукописи Жильбера де Меца, около 1410 г.

Говорили, что Плантагенеты происходили от тех детей, которые остались у Раймондина, и им передалась демоническая энергия, склонность к депрессиям, дурной, взрывной характер Мелюзины. Скорее всего, эта легенда была отголоском нелюбви анжуйцев к гордой и властной Мелисанде Иерусалимской, второй жене Фулько – деда Генриха. Она и правда увезла с собой двух сыновей (позже они стали королями Иерусалима), но Жоффруа не был ее ребенком – он родился от Герберги, первой жены Фулько. Так или иначе, Мелюзина заняла неофициальное, но прочное место в родословной Плантагенетов, и они не отрицали свое демоническое происхождение. Известно, что Ричард Львиное сердце как-то сказал о знаменитых семейных раздорах Плантагене-

тов: «А с чего это, по-вашему, все должно быть иначе? Разве мы все не дети Дьяволицы?».

Фатальные черты злой феи долго не проявлялись в характере Генриха, и супруги были счастливы. Алиенора всей душой полюбила своего второго супруга. Он был тоже увлечен этой необычной женщиной. Конечно, его чувство изрядно подогревали и огромные владения, которые принесла Алиенора. Но, так или иначе, оба были влюблены, честолюбивы, прекрасно понимали и дополняли друг друга, стремясь к единой цели – созданию мощной Анжуйской империи.

Пока счастливые молодожены наслаждались любовью, король Людовик, был унижен как мужчина и раздавлен как правитель. Он потерял огромные территории, и расстановка сил в его королевстве была нарушена. Теперь воинственные анжуйские герцоги оказались хозяевами не только Нормандии, но Пуату и богатой Аквитании. От пятнадцати лет брака у французского короля остались только две дочери – Мария и Алиса, а Алиенора, которую считали неспособной рожать сыновей, словно в насмешку подарила своему второму мужу сына. Удача сопутствовала супругам во всем. 19 декабря 1154 года в Вестминстерском аббатстве на них была возложена английская корона, и Генрих Анжуйский стал называться Генрихом II. Династия Плантагенетов, основанная им, даст Англии четырнадцать королей и будет править страной вплоть до 1485 года.

Следующие за коронацией четырнадцать лет Алиенора

прожила так, как мечтала. Она родила еще семерых детей. Старший сын, маленький Гильом, умер, когда ему не исполнилось трех лет, в 1155 году родился сын Генрих, затем девочка, которую назвали Матильдой в честь королевы-матери. 8 сентября 1157 года в Оксфорде родился третий сын, Ричард, а еще через год, снова сын – Жоффрау. За ним последовали две дочери Алиенора и Иоанна. Последний ребенок, Иоанн (Джон), родился в 1166 году и получил прозвище Безземельный, из-за того, что все крупные владения уже были отданы его старшим братьям.

Следовавшие одно за другим рождения детей не заставили Алиенору умерить активность. В этом она идеально подходила Генриху, которого прозвали Короткая Мантия из-за короткого плаща, наиболее удобного для верховой езды. Король постоянно находился в пути и просто не имел времени сменить одежду. Французский канал, как тогда называли Ла-Манш, он пересек 26 раз- рекорд, который после него не смог превзойти ни один английский монарх. В энергичности Алиенора не уступала своему непоседливому супругу. Она тоже, как челнок, сновала через Ла-Манш и обратно. На континенте королева проверяла, как идут дела в анжуйских и нормандских владениях, затем возвращалась на остров, проезжала по его городам и весям, потом опять перебиралась на континент и снова возвращалась в Англию.

Страна, пережившая Гражданскую войну и анархию, нуждалась в правителе, способном привести ее к порядку и бла-

годенствию, и Генрих II идеально подходил для этой роли. Он энергично взял в свои руки управление, и трудился день и ночь. Плоды его деятельности сказались очень скоро. Уже к концу года в Англии заработала государственная машина, суды, а на границах встали дозоры. Генрих почти сутками занимался государственными делами, Алиенора из всех сил помогала ему. Она издавала указы, проверяла и подписывала крупные финансовые счета, во время объездов владений разрешала споры и выносила судебные решения. Бурная деятельность королевы не вызывала раздражения баронов. Во Франции супруга монарха рассматривалась как плодоносная нива, украшение двора, благотворительница – и не более. В Англии на роль королевы смотрели иначе, анжуйская элита была по духу близка аквитанской, и Алиенора идеально вписалась в жизнь двора.

Королева рожала детей, трудилась, но не забывала развлекаться и пыталась привить любовь к утонченным удовольствиям своим поданным. В жилах англичан смешалась кровь разных народов – романтических кельтов, бесстрашных датских викингов, упрямых, законопослушных саксов. Так сложился национальный характер островитян. В те времена они слыли не только превосходными моряками и любителями крепко выпить, но мечтателями, искателями приключений и неплохими рассказчиками. Это была благодарная почва для поэзии, и первые зерна в нее бросила Алиенора.

В окружении королевы вскоре появились поэты, от кото-

рых христианский мир узнал о Тристане и Изольде, короле Артуре, фее Моргане и благородном Ланселоте Озерном. Так, во многом, благодаря влиянию Алиеноры, в Англии возникла школа, из которой потом вырастет вся западная литература. Королеву поддерживал Генрих. Он с энтузиазмом и не без пользы для своей династии поддержал моду на рыцарский эпос. Генрих способствовал проведению раскопок на месте, где предположительно располагался Камелот, и с удовольствием удлинил свою родословную до легендарного властителя бриттов.

Королеву воспевали трубадуры, а она наслаждалась их восхищением. Они прославляли красоту Алиеноры, мечтали о ней, и не всегда платонически. Некий миннезингер из Германии даже сочинил песню, где заявил, что готов отдать весь мир «и-эх, лишь бы ночь провести с королевой Англии!». Молва утверждала, что последнее возможно. Некоторые молодые люди из окружения Алиеноры были очень привлекательны, и недоброжелатели относили их к числу счастливых поклонников королевы.

Генриху было не до сплетен. Супруги занимались строительством резиденций, замков и дворцов больниц и приютов. Английское королевство процветало, и Алиенора достойно держалась рядом с царственным супругом, превосходно исполняя свою роль мудрой королевы, плодотворной матери и прекрасной Дамы.

Свое многочисленное потомство супружеская чета ис-

пользовала в целях расширения влияния Анжуйской империи. Дочь, Алиенору выдали замуж за короля Кастилии, Джоанну – за короля Сицилии, третью дочь, Матильду получил саксонский герцог Генрих Лев. Старшего сына Генриха женили на Маргарите, дочери Людовика Французского от его второй жены Констанции Кастильской. Девочку, согласно обычаю, отвезли на родину жениха, в приданое она получила владения и замки, но при этом Людовик выдвинул одно единственное условие. Он потребовал, чтобы в воспитании его дочери Алиенора не принимала никакого участия. Так король дал понять, что сомневается в нравственности своей бывшей жены. Плантагенеты не обратили внимания на этот мелкий укол и взяли в невесты принцу Ричарду следующую французскую принцессу – Алису. Наследник у французского короля так и не родился, и у Анжуйской династии появился шанс объединить две короны и создать самую мощную империю Запада.

Но мечты не сбылись. Людовик овдовел, женился в третий раз, и новая королева Франции – Адель Шампанская подарила ему сына – Филиппа «Богоданного».

Рождение наследника у французского короля явилось страшным разочарованием для Алиеноры. Но это было просто мелкой неприятностью по сравнению с катастрофой, которая вскоре постигла английскую королеву. У нее появилась серьезная соперница – дочь нормандского рыцаря Готье де Клиффорда.

Прекрасная Розамунда, А. Хьюз

Она появилась в жизни Генриха в 1166 году. До этого король был относительно верным по средневековым понятиям мужем и вел себя, не оскорбляя достоинства супруги. Все изменилось, когда он без памяти влюбился в Розамунду и стал широко демонстрировать свою связь. Английская королева была жестоко унижена. Между супругами произошел разрыв, и Алиенора из союзницы превратилась во врага, тем более опасного, что ее ненависть к Генриху оказалась равносильна прежней огромной любви.

Алиенора стала вредить супругу со всей страстью, на которую была способна. Генрих в полной мере ощутил, что любовь есть «слизывание меда с розовых шипов» и оценил, во что обошлась ему супружеская измена. Алиенора в то время являлась самой могущественной, влиятельной и богатой женщиной Европы. К тому же она была очень умна и прекрасно разбиралась в политике. И свой удар королева нанесла по самому болезненному месту Генриха – она стала мстить через детей.

Английский король сам упростил задачу отвергнутой супруги, еще при жизни разделив свои владения между сыновьями. Он действовал из самых лучших побуждений, надеясь выстроить империю со стройной системой власти. Но это было возможно лишь при полном повиновении, уважении и любви со стороны принцев. Они же выросли без вечно пре-

бывающего в отъездах отца и не питали к нему особой привязанности.

Впрочем, сама Алиенора считала, что действует в интересах детей. Сопернице она не стала вредить, хотя в балладах, воспевавших Розамунду, королева изображалась злобной ведьмой и убийцей, то ли отравившей, то ли заколовшей любовницу мужа. По легенде Генрих выстроил лабиринт, в котором укрыл свою прекрасную возлюбленную, но Алиенора разгадала его тайну, проникла в лабиринт и предложила беззащитной Розамунде выбрать между ядом или кинжалом.

Королева Алиенора и прекрасная Розамунда. Ф. – К. Купер

Это – всего лишь поэтический вымысел. Розамунда умрет, когда супруга английского короля будет в заключении. Как написали историки, «месть Алиеноры состояла не в том, чтобы убить Розамунду. Она поступила лучше: подняла восстание...».

Королева покинула Англию, поселилась в Пуатье и сделала свой двор центром куртуазной и поэтической жизни Европы. Там звучали песни трубадуров, устраивались празднества, турниры, и, разумеется, сочинялись стихи, воспевающие прекрасную Даму – хозяйку всего этого великолепия. Развлечениями жизнь Алиеноры не ограничилась. Она собирала вокруг себя детей и вассалов, легко подчиняла их своей воле и настраивала против Генриха. Затем она сделала так, чтобы в 1170 году принц Ричард официально вступил во владение своим наследством Аквитанией. Всем своим детям Алиенора явно предпочитала этого сына, который вырос и был воспитан в ее родном Пуату.

В Пуату принц обучился рыцарскому искусству и там же, возможно под влиянием рассказов своей матери о втором крестовом походе, взлелеял мечту пойти в третий. От своих анжуйских предков он унаследовал огненную шевелюру и легендарные припадки ярости. От аквитанских герцогов получил поэтический дар, жизнерадостность, непостоянство, щедрость и безудержную отвагу, за которую его потом про-

зовут Львиным Сердцем. Рядом с Ричардом Алиенора расцветала, казалась счастливой и беззаботной. Но при этом, она упорно шла к своей цели – отстоять права своих детей против становящейся все более тиранической и единоличной власти мужа.

А английский король все не появлялся на континенте. Он был подавлен и растерян. Генрих поссорился с архиепископом Кентерберийским Томасом Беккетом, и в результате тот был убит в церкви рыцарями короля. Мученическая кончина прелата потрясла Генриха так, что он несколько дней недвижимо пролежал в своих покоях. Тяжелое состояние короля отяготилось, когда ему сообщили, что плетутся заговоры, и что не только вассалы Алиеноры, но и сыновья – Генрих, Ричард и Жоффруа – тоже против него.

Генрих сам спровоцировал принцев, не давая им реальной власти и достойного содержания. Он даже посягнул на часть их владений, которые хотел отдать младшему сыну Джону. Разумеется, принцы были недовольны, легко пошли на поводу у мстительной матери и взбунтовались. Генрих Младший открыто восстал против отца и попросил убежища у французского короля. Ричард и Жоффруа также направились к Парижу, а по всей Аквитании, от одного ее конца до другого, мятеж разрастался со скоростью лесного пожара.

Все люди, назначенные королем в провинции, были изгнаны, крупные вассалы отказались признать его власть. В течение некоторого времени Генрих Плантагенет чувствовал се-

бя в полной изоляции, верна ему осталась одна только Нормандия. В письме, с которым он обратился в этих обстоятельствах к папе, король написал: «Мои друзья от меня отделились, мои близкие покушаются на мою жизнь...».

И все же в войне с сыновьями победил английский король. К принцам он проявил великодушие и даже оставил принадлежащие им ранее владения. К мятежной супруге он отнесся жестче. Алиенора попыталась скрыться, переодевшись в мужское платье, но побег оказался неудачным. Она попала в плен к наемникам короля, которые поместили мятежницу в замок Шинон. Сразу же после этого прекратилось сопротивление принцев. Генрих стерег супругу крепко. Шестнадцать лет проведет Алиенора в заточении и, хотя оно не было очень жестким (у опальной королевы даже имелся свой маленький двор), но годы текли в тоске и печали, а будущее казалось безнадежным.

Алиенора со спутником. Настенная роспись в часовне Святой Радегонды в Шиноне.

Генрих не ограничился тем, что лишил королеву свободы. Он начал повсюду появляться вместе с Розамундой и да-

же попытался расторгнуть брак с Алиенорой, распространяя слухи об изменах жены, среди многочисленных любовников которой якобы числился сам султан Саладин. Но Рим отказал в разводе, а в 1176 году Розамунда заболела, удалилась в монастырь, умерла, и епископ Линкольна Хьюг велел похоронить ее за оградой кладбища как «блудницу». Король не стал долго печалиться о своей утрате и нашел ей замену ... невесту своего сына Ричарда французскую принцессу Алису, которая теперь оказалась в сомнительном положении то ли заложницы, то ли официальной любовницы короля.

Во время заключения Алиенору постигло жестокое горе – умер ее старший сын Генрих Младший, который, наконец, примирился с отцом и собрался в Крестовый поход. Трагическая, бессмысленная смерть Генриха ужаснула Алиенору, и она, возможно, пожалела о том, что подтолкнула принцев на мятеж против отца.

Вместо похода в Святую землю Генрих Младший пошел на Ангулем, разграбил его и сжег монастырь Граммон, особенно чтимый английским королем. Потом он заболел дизентерией и, чувствуя приближение смерти, послал за отцом. Тот не приехал, заподозрив ловушку. Вместо себя король прислал епископа для совершения таинства соборования и передал вместе с ним перстень с сапфиром (считалось, что этот камень обладает целительными свойствами). Сапфир не помог, и Генрих Младший ушел из жизни, глубоко раскаяваясь и выпрашивая прощение у отца. Он попросил одеть

себя во власяницу, обернуть шею покаянным вервием и положить в дорожную пыль. Там он и умер, целуя кольцо, посланное отцом. Генрих II, узнавший о смерти сына, был потрясен. Он не верил, что 28-летний принц может так внезапно уйти из жизни. «Он дорого мне обошёлся, но как бы я хотел, чтобы он обошёлся мне ещё дороже, оставшись жить!» – сказал король.

Трагическое событие многое изменило. Генрих вызвал супругу из заключения в Вестминстерский дворец, где она получила роскошные наряды и убранство для лошади. Дары оказались не бескорыстными также, как и возможность повидаться с сыновьями.

Смерть Генриха Младшего нарушила планы короля в отношении его детей. Более всего Генрих был привязан к самому младшему и неудачному из принцев – Иоанну (Джону), выросшему вдали от матери, тому самому, которого прозвали Безземельным. Король хотел, чтобы Ричард уступил его любимцу Аквитанию и Пуату, возможно, Иоанну он хотел передать и английскую корону. Алиенора же была нужна для того, чтобы повлиять на сыновей в исполнении этих планов.

Генрих, которому исполнилось всего пятьдесят лет, чувствовал, что силы ему отказывают. Жизнь короля теряла смысл. Его сыновья, в полной мере унаследовав неистовый нрав Плантагенетов, их страсть к битвам и к власти, непрерывно воевали друг с другом, и все вместе, кроме Джона – с отцом. Огромная анжуйская империя, созданная Генрихом,

разрывалась на куски, будущее ее было печально, и сознание этого разрушало здоровье короля. Он страдал от какого-то нервного заболевания, ни минуты не мог оставаться на одном месте, судорожно жестикулировал, мучился от депрессий. Король стремительно старился, деградировал, и это сказывалось на его окружении.

Двор Генриха пришел в упадок и выглядел недостойно. Там можно было встретить настоящий сброд – продажных девок, игроков в кости, воров, шутов, фокусников, даже разбойников. Архидьякон Петр Блуаский, придворный Генриха, сетовал, что слуги короля «не знают ни порядка, ни меры, ни резона и в своей еде, и в путешествиях, и в распорядке дня. Капелланы и рыцари едят наскоро испеченный хлеб – полусырой, из поскребков, с сором и плевелами. Вино у них то, горькое, то кислое, то водянистое, то чересчур густое, то пресное, то отдающее дегтем... Эль, который там пьют, ужасен по виду и отвратителен по вкусу. Там покупают для стола старых и больных животных и рыбу четырехдневной давности, ибо слугам нет дела до того, что их злосчастные гости заболеют или умрут; поэтому мы вынуждены набивать живот падалью и становиться могилой для уже разложившихся трупов.... Ведь обоз короля полон актеров и прачек, игроков, маркитантов, гулящих женщин, шутов, цирюльников, жонглеров и прочих птиц того же полета...».

Внешность короля теперь совершенно не соответствовала его высокому статусу. От излишеств он превратился в

тучного неряшливого старика, и Алиенора на его фоне выглядела молодой и энергичной. Когда супруги встретились в Вестминстере, ей исполнилось шестьдесят два года, возраст по средневековым понятиям старческий, но историки, знавшие английскую королеву той поры, утверждали, что она по – прежнему, самая «прекрасная и целомудренная женщина, величественная и скромная одновременно, смиренная и красноречивая». Королева отказалась помочь Генриху в его планах передачи Аквитании принцу Джону, и вновь была отправлена в заключение. Там она не предавалась отчаянию, а размышляла и, как показало будущее, накапливала энергию. Генрих казался гораздо более несчастным, чем его супруга – пленница.

Его придворный Гирульд де Барри рассказывал, что в одном замке короля был покой, где висела картина, изображавшая орла и четырех орлят. Трое из этих птенцов клевали и рвали когтями крылья и спину орла; четвертый же, самый маленький, усевшись у него на шее, старался выклевать у него глаза. И будто бы сам Генрих так объяснял эту картину своим приближенным: «Эта четверка орлят – четверо моих сыновей, которые до самой смерти не перестанут меня преследовать; среди них всех самым жестоким по отношению ко мне окажется самый младший и самый любимый, именно он ранит меня больше, чем трое других». Из четырех «птенцов» у короля останется только двое. Жоффрау погибнет через три года после смерти Генриха Молодого на турнире, а

до этого, также, как и Ричард будет вести борьбу против отца. Страшное предсказание осуществится незадолго до смерти короля. Последний удар нанесет королю его любимец – Джон, именно его имя увидит Генрих во главе списка изменников. После этого у короля случится сердечный приступ и через два дня он скончается. Последними словами Генриха было: «Позор, позор поверженному королю».

На трон Англии взошел любимый сын Алиеноры Ричард, и одним из первых указов его в качестве короля, стало освобождение матери из заточения. Он направил к ней Уильяма Маршала, рыцаря, которому особо доверяла пленница, и тот с удивлением обнаружил, что она «уже освобождена и ещё более властна, чем когда-либо прежде». Стража, узнав о смерти короля, разбежалась, а Алиенора, которой к тому времени исполнилось шестьдесят семь лет, сразу же вскочила в седло и начала заниматься подготовкой к коронации сына.

Она стала править государством. Вновь, как при Генрихе, объезжала Англию и огромные владения на континенте, вершила суды, собирала дань и усмиряла непокорных вассалов. Казалось, что время над ней не властно. Она легко и прямо держалась в седле и выглядела все той же прекрасной Дамой, которую воспели поэты. Своей внешности Алиенора уделяла огромное внимание. Она очень умело использовала модный в то время головной убор, который полностью закрывал подбородок, шею и заодно все морщины, тщательно

подбирала одежду, красила в золотистый цвет волосы и искусно наносила румяна, Глаза королевы не нуждались в макияже – они сияли молодым блеском. Алиенора вновь жила, а не прозябала и жила ярко. Ричард же, ставший королем, был одержим мыслью о крестовом походе, в который он и отправился вместе с императором Священной Римской империи Фридрихом Барбароссой и французским королем Филиппом – Августом.

Ричард Львиное сердце, М.-Ж. Блондель

Он покинул Англию, но там остался его младший брат Джон, которого очень опасалась Алиенора. Она трезво оценивала своего странного сына, которого современники называли «одержимым» или «бесноватым». Он покинул Англию, но там остался его младший брат Джон, которого очень опасалась Алиенора. Она трезво оценивала своего странного сына, которого современники называли «одержимым» или «бесноватым». Этот принц, рождения которого не ждали, казался подкидышем в семье мощных Плантагенетов. Низкорослый, не особенно умный, патологически жестокий, он уступал своему брату во всем, кроме коварства. И королева – мать вместе со старшим сыном попытались нейтрализовать Джона, осыпав благодеяниями. Теперь принц, получивший графства Корнуэльс, Девон, Дорсет и Сомерсет вряд ли мог называться «безземельным».

Уладив, как она считала, дела с завистливым Джоном, Алиенора начала подыскивать невесту Ричарду и привезла ему из Наварры Беренгарию «благоразумную деву, милую, красивую и храбрую», дочь наваррского короля. Королева понимала, что Плантагенетам необходим наследник престола и жена, способная сдерживать ее неукротимого сына. Справедливости ради стоит добавить, что, женив сына, королева – мать держала его супругу в тени, не желая делить ни власть, ни привязанность Ричарда.

Завистников у этого короля имелось множество. Ричарда предали и в Крестовом походе, и в Англии. Пока королева мать с нетерпением ожидала своего героя – крестоносца, поддерживала порядок в королевстве и пыталась удерживать Джона от поступков, направленных против законного короля, тот начал действовать. Принц разъезжал по королевству, сообщая всем подряд, что Ричард никогда не вернется из Святой земли. Он же предательски договорился с французским королем Филиппом – Августом, чтобы тот воспрепятствовал возвращению брата. Это удалось. В 1192 году на пути из Святой земли, Ричард был захвачен в плен герцогом Леопольдом Австрийским, а Джон объявил себя английским королем. Казалось, для Ричарда все кончено, но его мать не сдалась. Алиенора боролась за свободу сына и его достоинство как львица. Она узнала, где держат в заключении короля и сообщила об этом по всему христианскому миру. Реакция была весьма болезненна для австрийского герцога. Все добрые христиане возмутились его нечестивым поступком. Ибо имущество и личность всякого крестоносца считались неприкосновенными, а король Ричард прославился своими подвигами в Святой Земле больше других рыцарей.

Алиенора забрасывала письмами папу Римского, поддерживала связи со всеми влиятельными баронами Европы. Послания к понтифику, который мог весьма действенно повлиять на австрийского герцога и ничего не делал для освобождения Ричарда, представляли собой яростный протест, дохо-

дядий до угроз Риму. Подписывалась королева чрезвычайно выразительно: «Алиенора, Божьим гневом королева Англии». Для сына она ничего не жалела и когда узнала, что за него можно дать выкуп, то собрала колоссальную сумму в сто пятьдесят тысяч марок серебра или тридцать пять тонн золота.

Наконец, ее любимый Ричард возвратился в Англию. Царственный крестоносец мгновенно расстроил все заговоры, возникшие в его отсутствие, без борьбы завладел своим королевством и простил принца Иоанна. За это подлый младший братец мог благодарить мать, желающую мира. Теперь Алиенора возжелала покоя, и стала жить, наслаждаясь почестями, размышлениями и славой своего любимого сына. Если она считалась первой Дамой христианского мира, то Ричард Львиное сердце был признан его Первым рыцарем. Но этот счастливый период в бурной жизни королевы продлился очень недолго. В мелкой стычке под замком Шалю в Ричарда, успешно воюющего с французским королем, попала чья-то меткая стрела, и он погиб, успев послать перед смертью за матерью, королевой Алиенорой. Для нее смерть Ричарда означала катастрофу. Могучий король и ее обожаемый сын ушел в расцвете лет, не оставив наследника. Из пятерых сыновей в живых остался самый неудачный – вероломный, невротичный и слабый Иоанн, и могучая Анжуйская империя оказалась под угрозой поглощения более сильными правителями.

Старая королева трезво оценила отношение сеньоров к новому королю и начала действовать. Она понимала, что защищать такого ничтожного правителя феодалы не станут. И в свои семьдесят семь лет предприняла поездку, в ходе которой подарила вольности городам, добилась от них значительной военной помощи и наложила обязательство защищать себя самим. Так королева создала для королевства городское ополчение и обеспечила Джону военный резерв. А ее дети продолжали умирать, из десяти остался только Джон и дочь Алионора в далекой Кастилии. Туда, через заснеженные Пиренеи отправилась неукротимая женщина. На этот тяжелый даже для молодых людей поход она решилась ради сохранения своего королевства, которое могло стать легкой добычей для честолюбивого и решительного французского короля. Алиенора спешила создать союз с Францией и привести наследнику Филиппа Людовику залог этого союза – невесту из Кастилии.

При дворе своей дочери и тезки Алиенора отдохнула душой. В ее честь устраивались празднества, на которых она блистала как в далекие молодые годы. Дамы продолжали завидовать ее вкусу, элегантности и умению держаться в седле. Танцевала Алиенора, грациознее юных, а на охоте скакала впереди всадников. Не было лучшего судьи и на поэтических и рыцарских турнирах. Поэты вновь сочиняли в ее честь стихи и баллады, юноши слушали рассказы о крестовых походах. На королеву смотрели как на ожившую легенду.

ду и потом долго рассказывали детям и внукам о посещении Кастилии великой Алиеноры Аквитанской. Но королева не только веселилась. Она тщательно оценивала достоинства своих внучек, беседовала с ними и сделала выбор в пользу младшей принцессы Бланки. У нее Алиенора нашла качества, позволяющие стать достойной королевой Франции. Выбор оказался верным, внук Алиеноры, сын Бланки войдет в историю под именем Людовика Святого. Алиенора проживет еще год, увидит начавшееся разрушение Анжуйской империи и умрет в марте 1204 года, не пережив известие о взятии королем Франции Шато – Гайяра – крепости, которой так гордился ее любимый сын Ричард Львиное сердце.

гробие Алиеноры Аквитанской и Генриха II в аббатстве Фонтевро

Костер для галицкой ведьмы

могла выглядеть Анастасия –Настаска (К.Маковский.Русская красавица)

Галицкая княгиня Ольга, дочь основателя Москвы Юрия Долгорукого ничем особенным не прославилась. В историю она вошла из-за семейной драмы, закончившейся сожжением соперницы, обвиненной в колдовстве. Аутодафе* были на Руси редкостью, поэтому трагедия в Галиче потрясла воображение современников и осталась в веках.

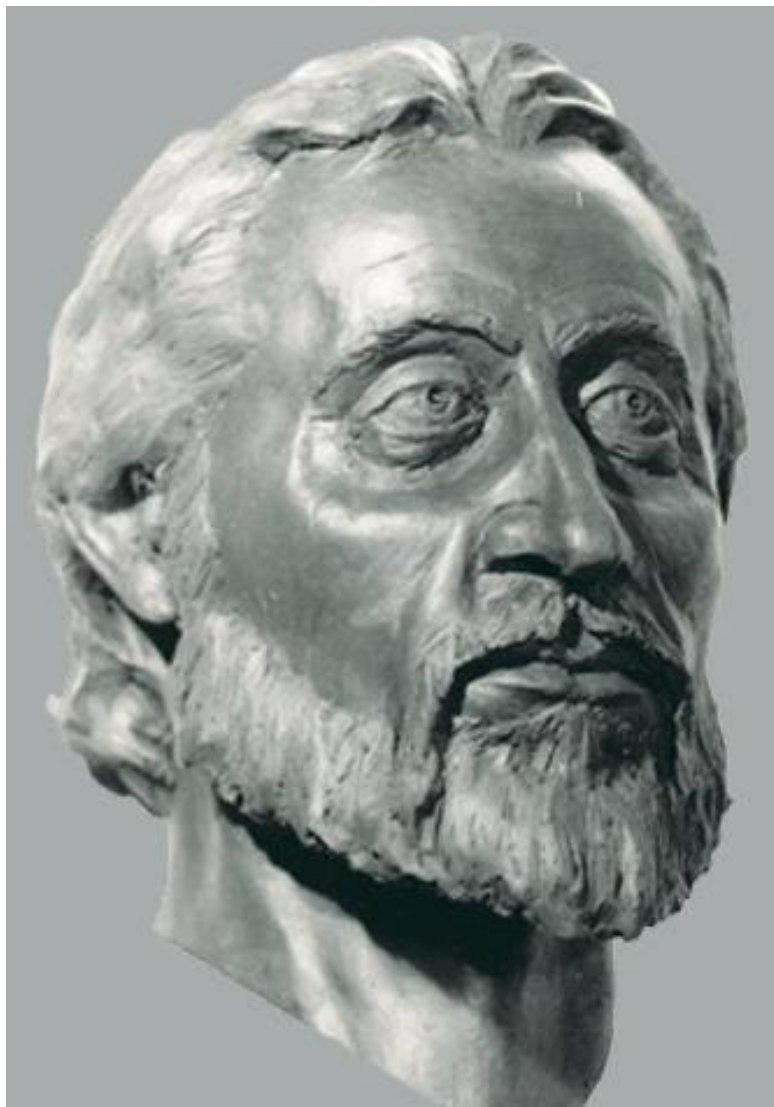
**Аутодафе – публичное сожжение осуждённых на костре*

Муж Ольги, князь Ярослав Владимирович Осмомысл, считался одним из самых могущественных правителей Руси. Его княжество, расположенное к востоку от Карпат, процветало. Сами же Галицкие властители состояли в родстве с королевскими европейскими домами, и князь был наполовину венгром – внуком короля Кальмана Книжника.

В 1149 году отец Осмомысла Владимир Галицкий и Юрий Долгорукий решили женить своих детей и пышно отпраздновали свадьбу. У княжеской четы родились дети – сын и несколько дочерей, одной из них была знаменитая Ефросинья Ярославна из «Слова о полку Игореве», автор которого посвятил Осмомыслу строки:

Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом,
Подпер Угрские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,

Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
И угроза твоя по землям
Ворота отворяешь к Киеву,
Стреляешь в султанов с золотого престола отцовского
через дальние земли.

Князь Осмомысл, реконструкция

Ярослав носил прозвище Осмомысл (мыслящий за восьмерых) вполне заслуженно. При нем Галицкое княжество достигло пика своего могущества. Князь покровительствовал торговле, приглашал чужеземных ремесленников, возводил новые города, и, достигнув зрелого по тогдашним меркам возраста, мог пожинать плоды своего успешного правления.

Все шло прекрасно, пока Осмомысл не влюбился. Его избранницей стала некая Анастасия, обычная незнатная галичанка, вошедшая в летописи под пренебрежительным именем «Настаски». Княгиня Ольга Юрьевна вначале отнеслась к увлечению мужа спокойно. Но у Настаски родился сын Олег, и галицкий князь стал проявлять к нему такую любовь, что законная супруга обеспокоилась. Ее сын Владимир не оправдал надежд Осмомысла, и княгиня понимала, что престол может достаться Настасьичу (так в Галиче прозвали бастарда). Этого она допустить не могла. За драмой в княжеской семье с интересом следили галицкие бояре, всегда доставлявшие немало хлопот галицким правителям. Сейчас они были бы не прочь половить рыбку в мутной воде и получить власть, которую им не давал могущественный Осмомысл. Бояре выжидали, Ольга Юрьевна терпела, а церковь увещевала князя оставить любовницу и вернуться в лоно семьи. Сам Ярослав, опасавшийся влиятельных братьев супруги, не стремился форсировать конфликт, но и не скрывал

своей связи.

Наконец княгиня не выдержала. В 1173 году вместе с сыном Владимиром, близкими женщинами и многими поддерживавшими ее боярами Ольга Юрьевна демонстративно покинула Галич и бежала в Польшу, где оставалась целых восемь месяцев. Что спровоцировало бегство княгини неизвестно. Возможно, ее вынудил к этому Осмомысл, возможно – это был ловкий политический ход, направленный на то, чтобы супруг устыдился, оставил Настаску и восстановил княгиню в ее правах. Демарш Ольги Юрьевны оказался успешен. Разразился международный скандал, и общественное мнение было на стороне княгини. Осмомысл попытался вступить с супругой в переговоры и уговорить вернуться, но та наотрез отказалась. Она уже давно поняла, что муж никогда не откажется от своей поздней любви и решила покончить с соперницей навсегда. А мудрый Осмомысл впервые в жизни проявил неосторожность. Решив, что все его враги покинули Галич, князь вздохнул свободно и, не таясь, наслаждался жизнью в побочной семье. Он жил с Настаской совершенно открыто и не скрывал своего намерения сделать ее княгиней.

Казалось, что от счастья у Осмомысла помутился разум, и он забыл о существовании супруги, которая прожила в Галиче двадцать лет, имела сторонников и готовилась осуществить месть. Князь ждал опасности извне, предполагая, что за оскорбленную княгиню вступятся ее могущественные

братья Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо. Но они были далеко, а беда подстерегла рядом.

Галицкие бояре подняли мятеж. Они мгновенно перебили застигнутых врасплох сторонников Осмомысла, а самого князя схватили и заключили под стражу. Олега Настасьяна посадили в темницу, его мать выволокли на городскую площадь. Там состоялся поспешный суд, обвинивший княжескую любовницу в колдовстве, с помощью которого она приворожила Осмомысла. И Анастасию, виновную только в том, что ради нее галицкий князь оставил законную супругу, приговорили к сожжению на костре*.

*Галицкие бояре тащат на костёр Анастасию. Рисунок
Кл. Лебедева*

Обвинение в колдовстве не раз практиковалось в Средневековье для устранения влиятельных женщин. В 1438 году по ложному обвинению в колдовстве утопили в Дунае Агнессу Бернауэр тайную жену Баварского герцога Альбрехта III. В 1441 по подозрению в колдовстве приговорена к пожизненному заключению Элеанора Кобэм, жена наследника английского престола графа Глостера. В 1431 году по обвинению в еретичестве была сожжена Жанна д'Арк.

Аутодафе было на Руси, как уже говорилось, событием из ряда вон выходящим. Ведовство, разумеется, осуждалось, но отношение к ведьмам, и в то время, и позднее, отличалось от принятого в Западной и Центральной Европе, где женщин, признанных колдуньями, сжигали десятками тысяч. Устав о церковных судах Ярослава Мудрого, например, предусматривал наказание, которое в Германии и Чехии сочли бы просто подарком: «Если жена будет чародеица, наузница, или волхва, или зелейница, муж, уличив, накажет ее, но не разведется». В данном случае церковь оставляла наказание колдуньи мужу, и строгость кары зависела от него.

Сожжение на костре в Средневековой Европе. Гравюра

причина в столь мягком отношении к ведьмам на Руси крылась в разнице восприятия. На Западе ими считались служительницы дьявола, которые несли в себе страшную угрозу окружающим. На Руси же ведьма – некое загадочное существо, обладающее силой, которую можно было использовать и на благо, и во вред. Ведовские процессы велись, но носили не уголовный, а гражданско – правовой характер, и речь чаще всего шла о возмещении причиненного ущерба. Ведьм могли высечь, выслать, заключить в монастырь, но до костров дело доходило только в тех случаях, когда ущерб принимал характер бедствия, или, когда возникало подозрение, что колдовство привело к гибели людей. Так, в 1204 году в Суздальском княжестве при Всеволоде Большое Гнездо

до, бабы были сожжены за неурожай, а в 1411 году в Пскове несколько «женок веиц гнуты такой же казни: наслали на город чуму».

Самым ярым борцом с ведьмами и колдунами стал Иван Грозный, хотя по слухам в жилах самого царя текла ядовитая «ведьминская» кровь (бабка царя сербская княжна Анна Якшич, имела репутацию колдуньи). Но это не мешало суеверному царю верить в чародейство. По его приказу был схвачен и обвинён в колдовстве новгородский архиепископ Леонид. Вместе с архиепископом были арестованы пятнадцать жёнок-ведуний, которых подвергли лютой казни – четвертовали и сожгли. И все же на Руси казни ведьм носили «точечный» характер, и страшная казнь Настаски была исключением из правил.

Костер разожгли в тот же день (бояре, знавшие и боявшиеся своего князя, решили не откладывать расправы). Мучений возлюбленной Осмомысл не увидел, но страшные вопли Настаски донеслись до его узилища, и могучий галицкий князь, «подпиравший железными полками горы», был совершенно раздавлен горем. Оно усилилось, когда бояре заставили Осмомысла прилюдно целовать крест на том, что он помирится с супругой. Князь умел проигрывать и понимал, что пока он находится в заключении, может пострадать сын Олег. Поэтому он поклялся, что впредь будет жить с Ольгой Юрьевной, как муж с женой – «яко имети княгиню вправду».

Княгиня вернулась в Галич победительницей, и примире-

ние княжеской четы было зафиксировано в летописях как «и тако уладившеся». Ольга Юрьевна могла ликовать, но тень сожженной Настаски стояла между супругами, и ее пепел стучал в сердце Осмомысла. В трагедии князь винил жену, которая стала ему еще ненавистней, чем прежде. Примирения не получилось, и уже на следующий год княгиня с сыном Владимиром вновь бежала от мужа, правда, не за границу, а в Луцк к Волынскому князю Ярославу Изяславичу. Но Осмомysl, не забывший, чем закончился прошлый отъезд княгини, договорился о выдаче беглецов.

Теперь князь не скрывал своей враждебности к мятежным членам семейства. Он добился развода, а Ольга Юрьевна нашла убежище у своего брата Андрея Боголюбского. Она не нашла покоя и там. Андрей Боголюбский был убит, и бывшей галицкой княгине пришлось переехать во Владимир Суздальский к другому своему брату Всеволоду Большое Гнездо. Его жена осетинская княжна Мария давала приют многим изгнанникам и оказала теплый прием золовке. Во Владимире Ольга Юрьевна ушла в монастырь, приняв иноческое имя Евфросинии. Ее сын Владимир также был вынужден скитаться. С отцом он не поладил, и тот выгнал его из княжества. Портить отношения с могущественным галицким владыкой никто из русских князей не хотел, и Владимир Ярославич, получивший прозвище «Ходыня», бродил по Руси, пока не получил приют в Путивле у сестры Евфросинии Ярославны.

Ее муж князь Игорь Северский будущий герой «Слова о полку Игореве» встретил шурина радушно, два года с честью продержал у себя, а затем примирил с отцом, который разрешил ему вернуться в Галич. Но отношения между Осмомыслом и законным отпрыском так и не наладились. Князь не любил старшего ленивого и неумного сына, явно отдавая предпочтение Настасьичу. Оставляя Владимиру процветающий Галич он не захотел, и, умирая, объявил, свою последнюю волю, по которой галицкое княжество отдавалось Олегу. Духовенство и бояре не решились спорить у смертного одра и целовали крест на верность Настасьичу. Но не успел Осмомысл испустить дух, как присяга была нарушена. Для знати управляемый, легкомысленный Владимир был удобнее, чем умный Настасьич. К тому же часть бояр участвовала в сожжении Анастасии, и не без основания опасалась мести со стороны ее сына. Поэтому Олега бояре изгнали из Галича, а затем дабы не рисковать, оставляя в живых опасного претендента на престол, отравили. Вскоре им пришлось раскаяться в содеянном. Владимир оправдал ожидания бояр в том, что совершенно не занимался управлением княжества, но в остальном пороки нового галицкого князя превысили это сомнительное достоинство. Князь целыми днями пьянствовал и предавался разврату*.

** Дурная репутация Владимира Галицкого сохранилась на века. В известной опере А.П. Бородина «Князь Игорь», он представлен в образе совершенно распущенного и беспутно-*

го мало.

Семейная жизнь Владимира не задалась. Семнадцатилетним его женили на Болеславе, дочери киевского князя Рюрика, и этот династический союз был также неудачен, как брак самого Осмомысла. Болеславу Владимир бросил, сошелся с некоей галицкой попадьей, которую увел у мужа и прижил с ней двоих сыновей. Связь с замужней попадьей была незаконной вдвойне и возмутила галичан. Владимир же совершенно распустился. Он стал бесчестить всех понравившихся ему женщин, посягал на боярских жен и дочерей, не делая исключений даже для семей заговорщиков, которые возвели его на престол. «Где улюбив (облюбовав) жену или чью дочь, поймаешь насильем», – сетовал летописец. Ему вторил хронист из Польши, на которую совершал набеги Владимир: «Когда-то он неожиданно напал с разбойниками на земли Казимировы и, похитив жен у знатных (мужей), увозил их по праву добычи в далекие края варваров. Я молчу о погубленных цветах девственности, многие из которых еще не успели созреть. Не говорю о попранной добродетели матрон, об оскверненных святилищах...».

Терпение галичан лопнуло, и в 1188 году отцы и мужья обещанных Владимиром женщин, собрав войско, захватили Галич. Убивать князя не решались, и дабы «прогнати» его пошли на хитрость. Владимиру было отправлено посольство, которое предложило выдать на расправу попадю и взять себе достойную женщину в супруги (Болеслава к это-

му времени либо умерла, либо постриглась в монахини). Память о страшной расправе над Настаской была еще свежа, и свергнутый галицкий князь вместе с любимой попадъей, детьми и сокровищами той же ночью покинул город. Владимир бежал к своему родственнику, венгерскому королю Беле III, который, мгновенно согласился отвоевать для него галицкое княжество. Легкость, с которой Владимиру обещали дать подмогу, настораживала, но князь еще раз доказал свою глупость и политическую недалковидность. Когда венгерские войска взяли Галич, Бела усадил на престол своего сына Андраша, а Владимира отправил в Венгрию и заключил в темницу.

Венгерским Галич оставался недолго, мадьяры стали чинить безобразия (от мужей отнимали жен и дочерей «на постеле к себе», а в «божницахъпочаша кони ставляти»), галичане восстали, и в 1190 году бежавший из венгерского плена Владимир Ярославич вернул себе отобранное княжество. Законного потомства сын Осмомысла не оставил. Галич перешел к другой княжеской династии.

Упорство Ингеборг

полагаемая Ингеборг

«Официальное» изображение Ингеборг

С легкой руки Анны Ярославны, жены французского короля Генриха I, греческое имя Филипп, стало чрезвычайно популярно в Европе. Почему русская княжна так назвала своего первенца, осталось загадкой. Возможно, она любила лошадей* и хотела, чтобы эта любовь передалась сыну, но, так или иначе «Филиппами» стали называть мальчиков во всех владетельных домах. Получил это имя и ее правнук. К первому имени затем прибавили еще Август, что означает царственный, и французский король оправдал его.

** Имя Филипп в переводе с греческого языка означает «любящий коней».*

Филипп II Август был прекрасным правителем, но в личной жизни ему не везло. Первая жена Филиппа, прелестная Изабелла Ганнегау умерла молодой в родах. Второй брак с Ингеборг Датской породил международный скандал и принес много горя ни в чем не повинным французам. Для Ингеборг же он стал подлинной трагедией, которую она перенесла с достоинством истинной принцессы. Дева, к которой посватался Филипп Август, слыла красивой и благочестивой, а ее приданое могло удовлетворить самые высокие запросы. Ради него и помощи датского короля в борьбе с англичанами, собственно, Филипп и женился. Брат Ингеборг Кнут IV не жаждал давать свои корабли, и при датском дворе яростно торговались по каждой строке брачного договора.

Наконец, после того как сошлись на сумме в десять тысяч марок, принцесса отбыла во Францию

Король Филипп Август

II

Первая встреча прошла успешно. Филипп – Август понял, что его не обманули. Принцесса была прекрасна – настоящая валькирия, высокая, светловолосая, статная с огромными зелеными очами. Происхождение Ингеборг было скандинавско – славянским. Ее отец датский король Вальдемар I Великий был назван в честь своего прадеда Владимира Мономаха, бабкой Ингеборг была киевская княжна Ингеборг Мстиславна, матерью – полоцкая княжна София. И, учитывая русские корни Филиппа, их союз вполне справедливо можно было назвать французско – русским.

Коронавание Ингеборг состоялось 14 августа 1193 года в соборе Амьенской Богоматери на другой день после венчания. Народ ликовал. Купцов грела мысль о богатствах, привезенных принцессой, а рыцари радовались возможной помощи могучего датского флота в войнах. Но придворные, имевшие возможность видеть короля с его юной супругой вблизи, испытывали куда меньший восторг. Филипп был смертельно бледен, а у Ингеборг опухли и покраснели от слез глаза. Во время церемонии коронации, которую проводил дядя короля, епископ Реймский Гильом, Филиппу стало плохо, а королева разрыдалась.

На следующий день король вызвал Гильома и самых близких людей и сообщил о том, что намерен срочно развестись. Свое неожиданное решение он объяснял тем, что испытыва-

ет непреодолимое отвращение к принцессе, которая околдовала его, что произошло на самом деле с новобрачными в их первую ночь осталось тайной.

Современные психологи, возможно, нашли бы объяснение в психической травме, полученной Филиппом в отрочестве на охоте. Принц, увлеченный погоней за зверем, оторвался от свиты и оказался совсем один в незнакомом лесу. Он проблуждал всю ночь, замерзший, голодный и отчаявшийся на спасение. Все закончилось благополучно, утром на Филиппа, лежавшего на земле, наткнулись крестьяне и отвезли в замок, но потрясение оставило след на всю жизнь и иногда давало о себе знать. Может быть, зеленые глаза Ингеборг, показались Филиппу похожими на глаза волчицы, которые сверкали в ночном лесу? Придворные недоумевали. Ингеборг произвела на всех приятное впечатление манерами и поистине царственной манерой держаться. Правда, ей не хватало живости, и кто-то из легкомысленных молодых дворян сравнил Ингеборг со статуей, украшающей нос корабля, но его одернули, сказав, что королеве должна быть присуща величавость.

Возмущение датских послов, которым передали, что по желанию короля им следует увести Ингеборг обратно, было безмерно. На это, порочащее честь датской короны предложение, они ответили резким отказом. Можно было подумать, что Филипп сошел с ума, но приданое отвергнутой жены он отдавать не собирался, и это свидетельствовало, что

разум короля не оставил.

печать Филиппа

II

Августа

Истории с разводами и невозвращением приданого уже

случались в истории Франции. Вестготская принцесса Госвинта принесла своему мужу Хильперiku «большое богатство», и «тот очень любил ее», но он также «очень любил» и свою прежнюю жену Фридегонду, и, будучи, вероятно, натурой цельной, не смог бороться с раздирающей его сердце страстью одновременно к двум женщинам. Дабы примирить обе привязанности, он приказал удушить Госвинту, оставив все ее приданое у себя. Возможно «любовью короля» было названо восхищение его размерами. Другой король Роберт Благочестивый развелся с женой Сусанной Итальянской и не вернул графство Фландрию. Сусанна пыталась бороться, построила в Монтрейле крепость, препятствующую прохождению кораблей бывшего мужа, но, в конце концов, сдалась и удалилась на родину.

Ингеборг сдаваться не собиралась, хотя была совершенно подавлена случившимся. Узнав о решении короля развестись и об отвращении, которое она ему внушает, датчанка горько расплакалась. На родине ее красоту воспевали, а в Филиппа бедная девушка успела влюбиться и надеялась, что со временем он ответит на ее чувство. Но король продолжал настаивать на разводе. Бедной Ингеборг ставили в вину даже молчаливость, а она не знала ни французского, ни латыни – этого международного языка общения Средневековья. Со временем, датчанка, конечно, овладела бы языком своей новой родины, но как раз времени у нее и не было.

Всего через несколько месяцев после свадьбы Филипп

при поддержке французского духовенства и своего влиятельного дядюшки епископа Реймского добился аннулирования брака. Причиной было выставлено родство между супругами. Ингеборг не признала развода и обратилась с апелляцией к папе Целестину III. Датский король также направил ему послание, но папа не решился портить отношения с могущественным французским монархом и предоставил его решение местным иерархам.

Неожиданное сопротивление Ингеборг взбесило Филиппа, и он заточил ее в монастырь. Содержание упрямой датчанке было назначено самое скудное. Французский король надеялся, что, оказавшись в суровых условиях, избалованная принцесса будет сговорчивее и, наконец, уедет в свою Данию. Сам же он решил жениться в третий раз. Выбор у Филиппа теперь был не велик. Европейские владетельные особы не хотели отдавать своих дочерей и сестер королю, чье семейное положение было неясно, а участь жен печальна. Вспомнили историю первого брака короля, когда он угрожал развестись со своей первой женой Изабеллой Ганнегау. Еще жива была в памяти сцена, когда юная королева, одетая в простое, белое платье, босая со свечой в руке шла к собору, где Филипп и клирики решали вопрос о разводе. Народ открыто выражал жалость, и король, к ногам которого Изабелла припала, отступил и согласился оставить ее в женах.

Репутация у Филиппа была дурной не только из-за супружеских драм. Король был эгоистичным и непочтительным

сыном, его мать Адель Шампанская даже покинула двор и переселилась в свои владения. Но французскую знать более всего раздражала нелюбовь короля к трубадурам. Филипп не держал при своем дворе поэтов и музыкантов, хотя это считалось обязательным для всякого правителя. Король заявлял, что вместо того, чтобы расточать щедроты дармоедам, он употребит эти деньги на помощь беднякам. В рыцарскую эпоху подобные слова признавались непростительными. Но короли долго одинокими не остаются, и невеста нашлась. Это была дочь баварского графа- умная и привлекательная Агнесса Меранская, обвенчавшись с которой, Филипп зажил в полном согласии.

Агнесса Меранская

Все шло прекрасно, если бы не Ингеборг. Филипп надеялся, что нужда, лишения и одиночество, если не сломят ее волю, то хотя бы сократят дни. Он не учел наследственности принцессы. В ее жилах текла кровь русских князей – воителей и храбрых морских разбойников – викингов. Мать Ингеборг, София Минская запомнилась датчанам, как дама чрезвычайно решительная. В сагах рассказывалось, что она

сожгла в бане любовницу мужа и ранила его сестру.

Отец Ингеборг был прозван Великим, брат – Победителем, и не удивительно, что дева из подобной семьи проявляла редкостную стойкость и мужество. Ингеборг раз за разом повторяя посланцам короля, что она – законная, любящая жена короля и коронованная королева. Она продолжала обращаться в Рим, писала папе патетические послания, в которых описывала свое плачевное положение. Жаловалась, что с ней дурно обращаются, и что если помощь не подоспелет, то ей суждено вскоре умереть. Ни на одно из этих писем Целестин III не ответил, и подмога Ингеборг пришла только после того, как на папский престол вступил новый более решительный и энергичный понтифик Иннокентий III.

София Минская. Реконструкция по черепу

В январе 1200 года он наложил на владения Филиппа интердикт. В Средние века это была катастрофа. Французы не могли ни ходить на мессу, ни крестить детей, ни хоронить по христианским обрядам. Заключенные церкви внушали ужас, священники заходили туда только для того, чтобы зажечь свечи, и народ, которого лишали надежды на грядущее спасение, начал роптать.

Филипп послал эмиссаров в Рим, но ни просьбы, ни взятки, ни угрозы не смогли заставить Иннокентия III изменить решение. Папские легаты и посланцы короля годами сновали взад – вперед, сам Филипп продолжал утверждать, что его околдовали, Папа в свою очередь уговаривал пойти на «эксперимент» и попытаться провести с ночью с датчанкой. Ингеборг томилась в заточении, страдала и новая королева Агнесса. Она родила королю детей, жила в роскоши и почете, но мысль, что из-за ее семейного счастья страдает вся Франция, подрывала здоровье этой порядочной женщины.

Наконец, король был вынужден уступить, отослал беременную Агнессу из дворца и призвал из монастыря Ингеборг, инсценировав примирение.

Датчанка, несмотря на долгие годы в заточении оставалась все такой же красивой, что не преминули сообщить Агнессе придворные доброжелатели. Отвращение короля к Ингеборг, впрочем, сохранилось, и когда Агнесса Меранская умерла в родах, король обвинил в ее смерти Ингеборг. Новорожденный тоже умер, и утешением Филиппу оставалось

лишь то, что Иннокентий III удовлетворил его просьбу и узаконил детей от любимой женщины.

Симпатии подданных были на стороне Ингеборг, но Филипп вновь удалил ее в заключение на этот раз в замок Этамп, где она жила в еще более суровых условиях. Принесшая великое богатство Франции датская принцесса занашивала до дыр свои платья и терпела жестокую нужду. Терпела, не жалуясь, но и не соглашаясь на расторжение брака. В замке Этамп узница провела двенадцать лет, выжила и дождалась своего звездного часа.

Это произошло в 1213 году, когда возникла угроза войны с английским королем Иоанном Безземельным и германским императором Оттоном IV. Филипп, понял, что ему необходима поддержка датчан, вернее их мощного флота. Получить ее можно было, только освободив Ингеборг. Французский король сам отправился в Этамп, попросил у Ингеборг прощения за все нанесенные ей обиды и предложил вернуться во дворец, чтобы стать, наконец, его женой и королевой. Он даже смог поцеловать ее – суеверный страх и отвращение странным образом исчезли.

Возвращение Ингеборг принесло удачу Филиппу. 27 июля 1214 года состоялась решающая битва с армией императора Оттона, превосходившей французскую почти в три раза, и победа осталась на стороне французов. Ингеборг оказалась не злопамятной и мудрой. Она прожила вместе с Филиппом десять лет, ни разу не попрекнув за долгие годы мучений и

унижения. Король вел себя как любящий муж и на смертном одре попросил сына: «Заботься о королеве... Я причинил ей много горя». Ингеборг скончалась в аббатстве Святого Жана в Корбее, куда удалилась, теперь уже добровольно. Ее состояние отошло французской короне, а просьба похоронить рядом с мужем в аббатстве Сен – Дени была отклонена внуком Филиппа королем Людовиком IX.

Французская волчица

Знатная дама. Дж.Кольер

Изабеллу Французскую можно без преувеличения назвать одной из самых известных и выдающихся женщин Англии. Ее роль в истории островного королевства была огромна, а жизнь полна бурных приключений, мрачных событий и неразгаданных по сию пору тайн. Изабелле удалось осуществить единственное успешное вторжение на остров со времен норманнского завоевания и свергнуть с престола своего супруга Эдуарда II. За жестокость, проявленную в борьбе с ним, королеве дали прозвище «французской волчицы». Ирония же судьбы заключалась в том, что не получи Изабелла в мужа Эдуарда, то осталась бы в памяти как идеальная королева, добрая жена и мать. Эдуард II* вошел в историю, как один из самых злосчастных и трагических монархов. Он был слабоволен, потакал любым своим желаниям и открыто пренебрегал общественным мнением (король четыре раза запрещал в Англии (!) футбол, точнее ту игру, которая считается предшественницей футбола). Самым крупным талантом этого короля было умение наживать себе врагов, и самой опасной из них оказалась Изабелла.

**Эдуард II(1284- 1327) был первым принцем Уэльским. По преданию, его отец Эдуард I применил хитрость, чтобы добиться доминирования английской короны в Уэльсе. Когда он, достигнув внушительных военных успехов в этом крае, собрал валлийских князей и предложил им признать вассальную зависимость от Англии, те в качестве главного условия потребовали, чтобы принцем Уэльса был мест-*

ный уроженец, не знающий ни слова по-английски. Эдуард тут же дал клятву соблюсти это условие и вынес им своего сына (будущего короля Эдуарда II), родившегося накануне в валлийском замке Карнарвоне, и воскликнул: «Вот вам принц Уэльский, уроженец вашей страны и он ни слова не знает по-английски!»

Эта принцесса, дочь знаменитого французского короля Филиппа Красивого, вышла замуж в двенадцать лет, но уже тогда о ней современники отзывались как о «красавице из красавиц всего королевства, если не всей Европы». Внешность принцесс обычно идеализировали, но Изабелла действительно была очень хороша собой. Об этом свидетельствует ее скульптурный портрет, сохранившийся в одном из йоркширских монастырей. На нем можно увидеть молодую женщину с округлым лукавым лицом, высокими бровями, вздернутым носиком и прелестным чувственным ртом. Красоту Изабелла унаследовала от своего отца, так же, впрочем, как и острый ум, сильную волю, дипломатический талант и безжалостность.

Изабелла Французская, скульптурная консоль в монастыре Беверли, Йоркшир

Ее брак с английским королем был заключен по политическим соображениям (его целью было примирить враждующие столетиями династии Капетингов и Плантагенетов), и имел все основания стать счастливым. Эдуард II обладал приятной наружностью, хорошими манерами, был высок, превосходно сложен и элегантен. Правда, он имел склонности, необычные для монарха и рыцаря. Эдуард ненавидел турниры и войны. От Плантагенетов ему достались только их внезапные взрывы бешенства. Король любил копать канавы, заниматься кузнечным делом, штукатурить стены и плавать на лодке. У него были также особенности, способные настроить любую невесту. Эдуард имел фаворитов, «любовь к которым превышала любовь к женщинам».

Портретная скульптура в гробнице Эдуарда II в Глостерском соборе, 14 век

К моменту свадьбы с Изабеллой это был некий Пирс Гавестон – мелкий провинциальный дворянин из Гаскони, привязанность к которому возникла у Эдуарда еще в его бытность наследником престола. Принц пытался добиться у отца земельных владений для своего любимца, но получил обратный результат. Великий король и воин Эдуард I Длинноногий страшно разгневался на сына и выслал Гавестона выслали во Францию. Изгнание продлилось недолго. Всего через несколько месяцев в июле 1307 года Эдуард Длинноногий скончался, и на трон взошел его сын, который мгновенно вернул фаворита ко двору. Эдуард II даровал Гавестону титул графа Корнуолла, который обычно сохранялся для наследника короля, женил на своей племяннице и предоставил огромную власть. Он назначил фаворита регентом на то время, пока сам будет находиться во Франции, заключая брак с Изабеллой.

Гавестон повел себя с английскими дворянами вызывающе. Он был иностранцем, его мать сожгли как ведьму, и таким образом, фаворит, вероятно, компенсировал свои вполне оправданные комплексы, но баронов поведение пришлого выскочки бесило и заставляло копить злобу. А Гавестон все более и более распускался. Он был превосходным воином и легко побеждал английских рыцарей на турнирах.

Эдуард II и его фаворит Пирс Гавестон. Маркус Стоун, 1872

Но этого казалось Гавестону мало, и он начал издеваться над знатными баронами, давая им позорные прозвища вроде «толстобрюха», «старого борова», «рогоносца» и «черного пса». И чем более меткой оказывалась кличка, тем более остро его ненавидели. Раздражала и выставляемая напоказ связь короля и фаворита. В средние века гомосексуалистов приравнивали к еретикам. Кары были жестокими – отлучение от церкви (самая мягкая мера), кастрация и даже сожжение на костре. Разумеется, монархов не наказывали, и Эдуард игнорировал всеобщее неодобрение. Это было роковой ошибкой многих властителей, но первое время англича-

не, уставшие от правления властного Эдуарда I, надеялись, что под властью нового мягкого короля, они вздохнут свободнее, а в Англии воцарится покой. Расставаться с приятной холостой жизнью король не стремился и не спешил вступать в брак. Но когда из Франции пригрозили, что без Изабеллы английский король лишится своих владений на континенте, Эдуард решился. Свадьба состоялась 25 января 1307 года в кафедральной церкви Богоматери в Булони. Совсем юная Изабелла держалась со спокойным достоинством и была просто великолепна в своем роскошном синем, расшитом золотом платье и алой мантии, которую она будет потом хранить всю жизнь.

Прибытие принцессы Изабеллы в Англию

Принцесса понимала, что ее предназначение служить политическим интересам короны, не питала иллюзий по поводу страсти жениха, и все же будущее казалось ей прекрасным – красавец муж, богатое приданое, и великолепные перспективы на будущее.

Эдуард II на бракосочетании был несколько рассеян, но выглядел весьма импозантно. На свадебную церемонию прибыло восемь королей и королев – король Англии, король Франции и его сын, король Наварский, вдовствующая коро-

лева Франции Мария Брабантская; Альберт Габсбург, император Священной Римской империи и его супруга Елизавета Тирольская, Карл II, король Сицилии; наконец, мачеха Эдуарда II, королева Маргарита (тетка невесты). Приехали на свадьбу также Леопольд I, эрцгерцог Австрийский, герцог Брабантский и целая толпа князей и знати со всех сторон Европы. Присутствие высоких особ свидетельствовало о том, какую важность придавали «браку Англии и Франции» в западном мире.

Франция в начале XIV века была самой богатой и густонаселенной страной Европы, росло и благополучие стремительно развивающейся Англии. Это был во всех отношениях блистательный союз, но Эдуард не торопился консумировать его*. Женильба ничего не изменила в его отношении к Гавестону, король не оказывал никакого внимания Изабелле и открыто пренебрегал ею.

**Консумация (лат. consummatio, «довершение») – термин, употребляемый иногда для одной из составляющих брака, а именно первого осуществления брачных отношений (полового акта). Во многих культурах сопровождается специальными обрядами (особые ритуалы вокруг ложа новобрачных, у дверей и окон спальни ставилась охрана для борьбы с силами зла и т. п.), с ней в ряде традиций тесно связана демонстрация доказательств девственности невесты. В Средние века часто в случае заключения фиктивного брака между несовершеннолетними (что практиковалось в среде*

высшей аристократии) консумация брака откладывалась до достижения ими совершеннолетия. Отсутствие фактических брачных отношений в Европе традиционно учитывалось церковью как уважительная причина для развода

Фаворит был в числе вельмож, приветствовавших молодёжь на земле Англии, и пылкая радость, с которой король приветствовал своего друга, произвела крайне неприятное впечатление на сопровождавших Изабеллу французских дворян. Возмущение выскочкой достигло высшей точки на коронации Эдуарда и Изабеллы. Гавестон был одет в пурпурные одеяния, что было дозволено лишь особам королевской крови, и нёс корону Эдуарда Исповедника* – честь, которая по обычаю предоставлялась лишь представителю высшего английского дворянства.

**Эдуард Исповедник – предпоследний англосаксонский король Англии (с 1042 года) и последний представитель Уэссекской династии на английском престоле. Эдуард уделял большое значение уделял пропаганде христианских добродетелей и аскетизму, за что был позднее канонизирован и в настоящее время почитается как святой католической церкви.*

Лорды еле сдерживались, Изабелла вела себя так, словно ее ничего не задевало, а Эдуард продолжал делать непростительные глупости. Можно только представить, какие чувства испытала новобрачная, когда король передал фавориту ее драгоценности – свадебный подарок Филиппа Красивого

и часть украшений, входивших в приданое!

Лорды еле сдерживались, Изабелла вела себя так, словно ее ничего не задевало, а Эдуард продолжал делать непростительные глупости. Можно только представить, какие чувства испытала новобрачная, когда король передал фавориту ее драгоценности – свадебный подарок Филиппа Красивого и часть украшений, входивших в приданое!

PHILIPPE

LE BEL

Король

Филипп IV Красивый, из книги Жана де Тилле «Короли Франции»

Юная королева жаловалась в письмах к отцу на то, что стала «самой несчастной из жен». И не удивительно. Изабелле было всего двенадцать лет, она оказалась в чужой стране и столкнулась с проблемами, которые было сложно преодолеть даже взрослому и опытному человеку. Принцессу воспитывали, что должно уважать и любить мужа, но она видела, что ею пренебрегают ради фаворита. Еще ужаснее для дочери властного Филиппа Красивого оказалось то, что ее супруг совершенно не соответствовал образу монарха. Такого же мнения придерживались и бароны, терпение которых продолжал испытывать Гавестон. Они восстали под предводительством Томаса Ланкастера, и король был вынужден принять ряд постановлений, ограничивающих его власть. Нет сведений об участии Изабеллы в борьбе против фаворита. В отличие от мачехи короля, Маргариты*, которая дала на нее 40000 фунтов, Изабелла старалась держаться в тени и дипломатично посылала подарки Маргарет де Клэр, жене Гавестона.

**Маргарита Французская – родная тетка Изабеллы, французская принцесса, дочь короля Франции Филиппа III Смелого и Марии Брабантской, вторая супруга короля Англии Эдуарда I.*

Королева даже помогла Эдуарду наладить отношения с баронами, и участвовала в переговорах, используя все очарование и ум, которыми ее богато одарила природа. Главным требованием баронов было навечное изгнание Гавестона из королевства, и Эдуарду пришлось отправить фаворита за пределы государства.

Отношения короля с баронами заметно наладились. В отсутствие Гавестона он стал лучше относиться к Изабелле, постоянно показываясь вместе с женой народу и брал ее с собой во все поездки. Но к неудовольствию оппозиции, фаворит тайно возвратился в Англию, и Эдуард вновь стал проводить все свое время с ним время. Бароны, взбешенные нарушением соглашений, решили покончить с Гавестоном навсегда. Способ был выбран незаконный, но радикальный. Они захватили фаворита и обезглавили, а церковь отказалась захоронить тело убитого в освященной земле. Подобно многим в Англии священнослужители считали Гавестона колдуном, наложившим на короля злые чары.

Скорбь Эдуарда была безмерна, он жаждал наказать убийц, но не имел для этого достаточных сил. Об отношении же Изабеллы к гибели фаворита ничего неизвестно. Если она и ликовала, то ничем себя не выдала, постаралась вновь сблизиться с королем и наконец-то смогла выполнить свое главное предназначение.

13 ноября 1312 года в Виндзорском замке Изабелла родила сына, названного в честь отца Эдуардом. Настроение

короля несколько улучшилось после появления наследника престола, и в последующие десять лет отношения супругов были вполне сносными. Изабелла же расцвела и превратилась в красивую, полную очарования женщину. Это была достойная королева, сознающая свой высокий статус и идеально исполняющая обязанности супруги, матери и Дамы, чьи вкусы служили украшению двора.

Королева со своими придворными дамами

Изабелла увлекалась музыкой и пением, тратила большие суммы на музыкальные развлечения, интересовалась искусством, много читала, и все же не была синим чулком. Ко-

ролева следила за модой и диктовала ее, введя при дворе французский стиль одежды. Изабелла, отказалась от повязки, прикрывающей подбородок, и вместе со своими дамами решила на революционный шаг, сделав вырезы платьев намного больше, чем допускалось на протяжении столетий. Она также ввела в моду не сшитые по бокам сюрко*, которые носили поверх платья и украшали по подолу и вырезу мехом или дорогой тканью. Она имела своего кутюрье – портного Джона де Фалеза, который нанимал шестьдесят мастеров для пошива, отделки, проветривания, чистки и починки одежды королевы.

** Сюрко – верхняя женская туника (платье) без рукавов либо с короткими и широкими рукавами, с глухим закрытым воротом.*

Изабелла часто принимала ванну, что являлось привилегией аристократии. Трудно представить, но англичане до эпидемии чумы 1348-1349 годов почти не уделяли гигиене внимания. Моду на купание ввела Элеонора Кастильская, мать Эдуарда II, в родной стране которой сильно ощущалось влияние мавританской культуры. В других европейских странах омовения считались вредными и угрожающими здоровью, и Изабелла была приятным исключением из правил.

Она любила хорошую кухню, отдавая предпочтение устрицам, оленине и, разумеется, сыру, который для нее специально привозили из Франции.

Королева трогательно заботилась о своих приближенных,

и ей было присуще сострадание. Из Шотландии Изабелла привезла с собой мальчика-сироту, «мальша Томлинуса», которого обеспечила питанием, одеждой и поместила в его дом своих музыкантов. Она справлялась о здоровье своих заболевших слуг и добивалась помилования попавшим в опалу придворным.

Впрочем, этот идеальный образ портили жесткий прагматизм и стяжательство. Королева жадно собирала земельные угодья, замки, поместья, города, деревни и зорко следила за своими доходами. Она богатела и обретала влияние, раздавая почетные должности, рыцарские пожалования, права опеки. Это не вызывало нареканий, и летописцы зафиксировали, что английская королева «само благоразумие, любезность и женственность».

Была в богатой событиями жизни Изабеллы еще одна история, так называемое «дело Нельской башни», которая наложила мрачную тень на ее образ.

В 1313-м году состоялась поездка королевской четы во Францию. Повод для вояжа был невинным и приятным. Филипп Красивый пригласил супругов на посвящение в рыцари братьев Изабеллы. Согласно хроникам, вскоре после возвращения в Лондон, английскую королеву серьезно беспокоило поведение ее невесток, Маргариты, Бланки и Жанны, особ красивых и чрезвычайно легкомысленных. Их свекор так и не женившийся после смерти умной и благочестивой королевы Жанны Наваррской, занимался государственными

делами, и двор, который ранее отличался строгостью нравов, возглавили особы шестнадцати, тринадцати и четырнадцати от роду. Невестки короля, как все подростки, любили веселье, экстравагантность и шокировали старых придворных рискованными выходками и юбками с весьма смелыми разрезами.

JEANNE REYNE DE NAVARRE, COMTES^{se}
DE CHÂPAGNE, FEMME DE PHILIPES IV. ^o.
ROY DE FRANCE DIT LE BEL www.gettyimages.com

*Жанна I Наваррская, принцесса из Шампаньского дома,
супруга короля Филиппа*

II

Красивого

Юные дамы развлекались напропалую. Ко времени приезда Изабеллы и Эдуарда при дворе начали поговаривать о неверности принцесс мужьям, а это уже было государственным преступлением.

Вероятно, слухи о недостойном поведении невесток дошли до Изабеллы, и она предприняла определенные меры. В июле английская королевская чета задала пир в Вестминстере, на который были приглашены французские рыцари и среди них – двое братьев Филипп и Готье д'Онэ. На поясах у этих высоченных красавцев висели роскошные кошельки, собственноручно вышитые Изабеллой и подаренные принцессам Маргарите и Бланке во время ее посещения Франции.

Тайное свидание. П. Ш. Комт

Хронисты утверждают, что Изабелла незамедлительно поделилась своим открытием с отцом. Сама она вела безупречную жизнь, считала, что коронованные особы не вправе поддаваться страстям, и, вероятно, действовала из лучших побуждений. Не исключено, что определенную роль сыграла зависть не познавшей взаимной любви женщины. Так или иначе, но Филипп Красивый проявил твердость, предав измену принцесс огласке и подвергнув Бланку и Маргариту судебному преследованию. Принцесс приговорили к пожизненному тюремному заключению и обязали присутствовать при страшной казни любовников, которых оскостили и колесовали.

Жизнь невесток Изабеллы закончилась трагично. Они были заключены в замок Шато-Гайар, содержались в чрезвычайно суровых условиях, а в 1315 году Маргариту по приказу брата Изабеллы Людовика, желавшего вступить во второй брак, убили. Преступление произошло на глазах Бланки, и ее разум помутился. Несчастливая провела в заключении еще десять лет, пока ее не перевели из Шато-Гайара в замок Горей, а потом в монастырь, где она приняла постриг и умерла в возрасте тридцати лет. Мучила ли Изабеллу совесть? Скорее всего, нет. Изабелла высоко ставила государственные интересы и действовала в интересах отцовского королевского дома. Она не могла допустить, чтобы чистую кровь Капе-

тингов* осквернили внебрачные примеси. Но каковы бы ни были намерения Изабеллы, во Франции ее поступок осудили как предательство невесток, а последствия дела «Нельской башни» оказались трагичными для обоих королевств.

Нельская башня, в которой по легенде, принцессы принимали братьев д'Оне

**Капетинги – династия французских королей, представители которой правили с 987 по 1328 год, а по боковым линиям – до 1848 года.*

Происхождение единственной дочери Маргариты Наваррской Жанны было признано сомнительным, так как существовала вероятность, что она рождена не от дофина Людовика, а от конюшего Филиппа д'Онэ. Три брата Изабеллы, недолго процарствовав, скончались, сыновей у них не было, дочерей отстранили от наследования из-за так называемого салического закона*.

**Салический закон – норма престолонаследия, согласно которой престол наследуется членами династии по нисходящей непрерывной мужской линии (сыновья государей, внуки (сыновья сыновей), правнуки (сыновья этих внуков) и т.д.*

Молва приписала смерть французских королей проклятию великого магистра Ордена тамплиеров де Моле.

Филипп Красивый с невероятной жестокостью расправился с тамплиерами, и де Моле проклял его род до седьмого колена. Проклятие было произнесено из пламени костра. Это придало ему устрашающую убедительность, а события, произошедшие после казни магистра, заставили поверить в силу его слов. Отец и три брата Изабеллы ушли из жизни неожиданно и необъяснимо.

Казнь тамплиеров. Миниатюра из рукописи Дж. Бокаччо
Основная ветвь Капетингов прервалась, и Изабелла,

оставшаяся единственной прямой наследницей Филиппа Красивого, потом предъявит свои права на французский престол. Так она развяжет войну Англии с Францией, которая получит название Столетней.

Как уже говорилось, десять лет прошли для Изабеллы в относительно благополучии, и ни о каких неладах в королевской семье не было слышно. Муж дарил королеве внимание и посещал ее спальню не часто, но достаточно, чтобы королева могла родить еще трех детей – Джона, Джоан и Леонор. Изабелла оказалась далеко не холодна и бесчувственна. Такой она была, только когда дело касалось политики. Она жаждала любви и начинала понимать, насколько обделена ею. И все же несколько лет Эдуард принадлежал только Изабелле и не пытался найти замену Гавестону.

Союз, совершенный по политическим соображениям, превратился в вполне успешный королевский брак. У супругов были общие интересы, в частности, они оба любили музыку. И хотя Эдуард своим безрассудным поведением сделал все, чтобы погубить любовь и уважение Изабеллы, она стала образцом преданности и верности, что должным образом оценили и бароны, и народ, у которых королева пользовалась необычайной популярностью.

Эдуард был достаточно умен, чтобы оценить способности своей супруги, относился к ней с почтением и проявлял щедрость, которая вполне отвечала стремлению Изабеллы к роскоши.

Но тучи сгустились над королевской семьей. Эдуард был некудышным полководцем и во время очередного столкновения с шотландцами потерпел сокрушительное опражнение. Для короля это поражение стало катастрофой, он потерял доверие баронов, и вскоре власть в стране была фактически захвачена Томом Ланкастером, дядей короля.

Непопулярность Эдуарда II была так велика, что, когда некий, очень похожий на него простолюдин, объявил, что именно он настоящий король Англии, подмененный в младенчестве, многие поверили. Самозванец был схвачен и казнён, но этот инцидент глубоко обеспокоил Изабеллу. И все же пока она оставалась непоколебимо верной мужу и действовала в его интересах. Так продолжалось до тех пор, пока не появились отец и сын Деспенсеры. Особенно опасным оказался младший Хьюго Деспенсер – красивый, порочный, хитрый и честолюбивый молодой мужчина. «Свой» в среде баронов, он прекрасно разбирался в их методах борьбы и был чрезвычайно жесток. Справедливости ради надо сказать, что новые фавориты были способными и дельными администраторами, но их наглость и корыстолюбие перечеркивали все достоинства.

Деспенсеры очень быстро приобрели огромное влияние на короля. В народе говорили, что они водят Эдуарда, «как котенка за соломинкой». Но между Изабеллой и фаворитами пока не возникало никаких трений, хотя королеву, безусловно, не радовало их возрастающая власть.

Постепенно отношения портились. Деспенсер – младший не любил и откровенно презирал женщин, а к Изабелле питал особую неприязнь из-за ее влияния на короля. Вскоре, правда, у королевы появилась надежда на избавление от фаворитов.

В 1321 году бароны, объединившись, сумели добиться конфискации имущества и изгнания Деспенсеров, и они могли возвратиться в страну только с согласия Парламента. Деспенсер-старший, уехал во Фландрию, затем – в Бордо, а младший стал успешно и свирепо пиратствовать в водах Ла – Манша.

Увы, передохнуть без фаворитов Изабелле удалось недолго. Король не намеревался расставаться с ними и жаждал отомстить баронам, отправившим их в изгнание. Деспенсеры тайно возвратились в середине января 1322 года после того, как Эдуард II начал военные действия против оппозиции. Король разгромил мятежников, и репрессии против них были настолько жестоки, что этот период истории Англии иногда упоминается как «Тирания». Одних баронов публично казнили, других выслеживали и убивали на месте, а их родственников без суда и следствия заключали в темницы.

Деспенсеры использовали репрессии для своего личного обогащения, вымогая земли и деньги у вдов и сирот казнённых. Опыт пиратства пригодился младшему фавориту на суше и, видимо, он находил извращенное удовольствие в мучениях своих жертв. Одну из них, вдовствующую леди Бей-

рет, подвергли таким страшным пыткам, что она сошла с ума. Вдову вождя мятежников Томаса Ланкастера, казненного по приказу короля, Хьюго цинично и нагло обвинил в том, что именно она – главная виновница казни мужа и угрожал сжечь живьем, как мужеубийцу.

Угроза возымела действие. В смертельном страхе несчастная женщина отдала фавориту свои земли и выплатила огромную пеню в 20000 фунтов. Деспенсер похитил богатую наследницу Элизабет Комин и держал в заключении до тех пор, пока она не передала ему 10 000 фунтов и два поместья. Действуя подобным образом, он сколотил колоссальное состояние, собрал огромные земельные владения и не желал останавливаться на достигнутом. Все это проделывалось с благословения короля, отношение к которому в стране еще более ухудшилось. Люди роптали, что и один король достаточно плох, а три сразу просто невыносимы.

Изабелла пыталась унять Эдуарда. Ее возмущала жестокость, проявляемая к женщинам и детям, королева заступалась за них и иногда даже достигала успеха. Деспенсера – младшего вмешательство Изабеллы бесило, и он нарочно подталкивал короля к кровавым расправам. Власть фаворитов возрастала, а власть королевы уменьшалась. Рушилась и ее налаженная с таким трудом семейная жизнь. Эдуард обожал Хьюго, был полностью поработан им, а тот свирепо ненавидел Изабеллу, остававшуюся последней угрозой его политическому господству.

И Деспенсеры стали методично уничтожать влияние королевы. Начали с финансов. Королеве перестали выплачивать положенную ей ренту. Изабелла, очень ревниво следившая за соблюдением своих финансовых привилегий, была жестоко уязвлена. Королеве дали ясно понять, что ее не уважают и защиты от мужа не будет. Но сломить Изабеллу было нелегко. Затаив гнев и продолжая улыбаться фаворитам короля, она стала всеми возможными способами сдерживать их влияние.

Случай представился, когда в Тауэр попали знатные лорды Мортимеры. Семьи Диспенсеров и Мортимеров враждовали с тех времен, когда в одной из гражданских войн дед Роджера Мортимера убил деда Диспенсера – младшего, и тот поклялся отомстить за его смерть.

Теперь, после неудавшегося восстания, в котором участвовали Мортимеры, Хьюго представилась возможность их уничтожить. Он уговорил Эдуарда приговорить узников к смертной казни. Но по неизвестным причинам, к удивлению придворных, и бешенству фаворитов, приговор был заменен пожизненным заключением в Тауэре. Скорее всего, это произошло, благодаря вмешательству Изабеллы. Она сознательно выступила против Деспенсеров в пользу их врагов, заявляя себя как противника, с которым следует считаться. Мортимерам сохранили жизнь, но провести ее предстояло в мрачной камере Тауэра.

Изабелла продолжала быть верной союзницей своему сла-

бывшему супругу, пока не произошло событие, которое свергло ее в ярость. Во время очередной неудачной войны с шотландцами, Эдуард трусливо бросил королеву. Это произошло уже во второй раз. Во время мятежа баронов он оставил беременную принцессой Джоанн Изабеллу во власти мятежников, а сам бежал. Теперь она могла попасть в плен к шотландцам.

Королева вместе со свитой находилась в одном из укрепленных аббатств, когда Эдуард получил спешное известие о приближении врага. И, прекрасно понимая, что его жена осталась беззащитной перед неприятельской армией, король удрал, бросив казну, государственные документы и свои личные вещи.

Изабелле, охраняемой небольшим отрядом сквайров, удалось скрыться, когда шотландцы были совсем рядом. Король же потерпел очередное поражение. Он был наголову разбит Робертом Брюсом, потери англичан составили около 8000 человек, и это поражение имело длительные и серьезные последствия.

Всем в Англии стали очевидны трусость Эдуарда, его безразличие к судьбе страны. В народе снова возникли слухи, что он подменыш. Король потерял остатки уважения и честь, а бароны указывали на младшего Деспенсера как на изменника, предавшего королеву. Изабелла же упорно настаивала на том, что ее жизни угрожает опасность. Она прекрасно осознавала, как далеко может зайти Деспенсер. Отвращение

Изабеллы к фавориту было подстегнуто пониманием порочной причины его господства над королем, имелась, и еще одна особая, тайная причина для ненависти.

Позднее Изабелла жаловалась, что Хьюго пытался обесчестить ее. Это утверждение затем повторилось среди обвинений, выдвинутых против Деспенсера – младшего на судебном процессе в ноябре 1326 года, и было зафиксировано большинством хронистов. Предполагалось, что королева стала жертвой сексуальных домогательств со стороны фаворита, желающего унижить и запугать ее. Мог ли Хьюго попытаться осквернить королевское супружеское ложе или совершить насилие? Вполне возможно, учитывая его жестокость, извращенность и презрение к женщинам. Знал ли об этом король? Более чем вероятно, что все было совершено с его молчаливого согласия.

Эдуард опускался все ниже, дойдя до разврата с простолюдинами. В дворцовых документах за 1322 год есть записи о выплатах очень значительных сумм трем мужчинам самого низкого звания за то, что они «провели четырнадцать дней в обществе короля». Расплывчатая и деликатная формулировка почти не оставляет сомнений в характере времяпрепровождения, и Изабелла безусловно узнала о забавах супруга с людьми, прожившими при дворе две недели. Она стала открыто проявлять неудовольствие. Этим воспользовался Хьюго, сделав так, чтобы нелады между супругами превратились в разрыв.

Он воспользовался враждой, которая вспыхнула между Англией и Францией. Теперь у Деспенсеров появился повод обращаться с королевой – француженкой как с потенциальной предательницей, врагом английской короны. В этом Хьюго младший проявил незаурядную изобретательность. Сперва он потребовал, чтобы Изабелла присягнула на верность ему лично – она отказалась. Затем был наложен секвестр на владения королевы, а сумма, выделяемая на личные расходы, урезана более чем в десять раз. Затем королеву лишили всех ее друзей-французов, которых изгнали со службы королю. Изъяли все, предназначенное для королевы золото, и Деспенсеры стали «посылать ей из королевской казны столько, сколько сами хотели».

Но и на этом фавориты не остановились. Оставив Изабеллу без доходов, друзей, привилегий, они не могли лишить ее звания матери наследника престола. Тогда у королевы под предлогом, что она француженка и может подбить своих отпрысков на предательство короля, отобрали трех младших детей (наследному принцу Эдуарду был выделен свой двор).

Изабелла любила своих детей, и насильственное разлучение с ними стало еще одним источником страданий. Плохо пришлось и малышам. К ним относились крайне небрежно, и это не осталось без последствий в будущем.

Теперь Изабелла, по сути, потеряла все и сделалась пленницей, за которой следили, вскрывая все ее письма и фактически лишив связи с внешним миром. Хьюго даже стал под-

бивать короля развестись с неуступчивой супругой, и король был уже готов отправить жену в изгнание, но счастливый случай дал Изабелле возможность самой покинуть Англию и отправиться в родную Францию. Более того, вскоре к ней присоединился старший сын.

Изабелла уехала под благовиднейшим предлогом борьбы за закрепление прав Эдуарда II на Гасконь и Потье – единственных оставшихся на континенте владений английской короны. Во Франции Карл IV, последний из братьев Изабеллы, ждал, когда же английский король принесет ему оммаж – присягу на верность. Но Эдуард II все откладывал и откладывал поездку на континент, опасаясь оставить своего обожаемого Хьюго без королевской защиты. Сам фаворит был против отъезда Изабеллы, которая на свободе могла навредить ему. Но раз король ехать не мог, то решили послать вместо него наследного принца Эдуарда, который принесет клятву за отца. Это была фатальная ошибка английского короля. Совершенно не умея разбираться в людях, он надеялся, что его униженная, разлученная с детьми жена будет, как и раньше, преданно отстаивать его интересы. А Изабелла за два года страданий ожесточилась.

Весной 1325 года английская королева весьма эффектно прибыла в Париж, произведя на галантных французов самое выгодное впечатление своей элегантностью и красотой. Изабелла въехала в столицу Франции верхом на коне, одетая в черное бархатное платье, которое очень шло к ее светлым

волосам, уложенным по бокам в цилиндрические футляры, сплетенные из золотой тесьмы. Прическа была самой модной, наряд изыскан, и соотечественники Изабеллы забыли о роли, которую она сыграла во время «Процесса Нельской башни».

В Париже Изабелла создала свою партию и начала действовать – скрытно, осмотрительно, тщательно рассчитывая каждый шаг. 30 мая был составлен мирный договор на очень жёстких для Англии условиях. Это был первый из ударов по Деспенсерам. Договор, неблагоприятный для островного королевства, должен был послужить дискредитации власти фаворитов, к чему и стремилась Изабелла со своими друзьями.

В их число вскоре вошел Роджер Мортимер. Этот человек, которому предстояло сыграть роковую роль в жизни Изабеллы и Эдуарда II, был самым могущественным из мятежных баронов. Выдающийся военачальник и талантливый стратег он долго оставался верным слугой короны и примкнул к оппозиции только после того, как король приблизил к себе Деспенсеров.

Мортимер был очень удачно женат на Джоан де Генвиль, которая родила ему двенадцать детей. Высокий, красивый и богато одаренный самыми разнообразными талантами, он был к тому же храбр, прекрасно образован и начитан. Но этот идеальный рыцарь обладал и типичными для средневековых баронов недостатками – дерзостью, алчностью, жестокостью и безудержным честолюбием. Оно зиждилось на

твердом убеждении Мортимера в том, что его семья ведет свое начало от легендарного Брута, короля бриттов.

К концу 1325 года Мортимер и Изабелла стали любовниками. Это была истинная страсть и удачный политический союз – у обоих злейшими врагами были Деспенсеры.

Королева постепенно обретала силы для борьбы с фаворитами. Мортимер стал ее мечом, а при французском дворе она получила поддержку у нескольких вельмож, и прежде всего у своего кузена Робера д'Артуа.

В Париже тем временем собралось немало знатных баронов, туда приехал даже сводный брат короля граф Кентский, и всех оппозиционеров, пересекших Ла-Манш, возглавил Мортимер. Вести об этом дошли до Англии. Эдуард почувствовал тревогу и стал торопить Изабеллу с возвращением домой. Теперь, когда договор был заключен и оммаж принесен, он не видел никаких причин для того, чтобы королева и принц Эдуард оставались во Франции.

Но Изабелла не торопилась возвращаться. У нее в руках было мощное оружие – наследник престола. Без супруги король мог обойтись и не без удовольствия, а вот без наследника нет. Причина заключалась не только в политике. Эдуард при всех его недостатках был любящим отцом и искренне скучал по сыну. Кроме того, принц был завидным женихом, и его можно было использовать в политической игре, создав союз с могущественным тестем, который обеспечил бы военную и политическую поддержку королю. Изабелла пошла

на опережение и вскоре создала такой союз.

Эдуард посылал ей приказы и просьбы вернуться домой. Но королева отказывалась, заявив, что не появится в Англии, пока между ней и её мужем будет стоять третье лицо, имея в виду Хью Деспенсера Младшего. Она заявила, что Деспенсер уничтожил её брак с Эдуардом, и в подтверждение своих слов стала одеваться как вдова. Теперь Изабелла носила только простые черные (траурные) платья с покрывалом наподобие монашеского и повязкой, прикрывающей подбородок, «как скорбящая дама, потерявшая своего господина». Эти строгие одежды только подчеркивали ее красоту и вызвали в мужчинах желание поднять меч за столь несчастную и совершенную даму.

В сложном положении оказался юный наследный принц. Он любил обоих своих родителей и разрывался между долгом перед отцом и жалостью к несправедливо обиженной матери.

Принц ответил Эдуарду II, что не может возвратиться домой и останется с королевой, которая очень несчастна. А Изабелла в письме предупредила мужа, что она и ее сторонники во Франции готовы совершить «то, что не послужит во вред господина моею короля, но лишь к свержению одного Хью». Это означало, что королева готова применить ради устранения фаворита военную силу.

Внешне казалось, что Изабелла жаждет воссоединиться с мужем, если тот согласится удалить фаворита. Но королева

прекрасно помнила, как легко давал и нарушал свои обещания Эдуард. Фаворитов изгоняли, но они каждый раз возвращались, и все начиналось сначала. Изабелла была умна (гораздо умнее мужа) и понимала, что вернуться в Англию она может только в случае смерти обоих Деспенсеров.

Английский король был потрясен ультиматумом жены. Он выступил с короткой речью перед знатью и прелатами, публично жалуясь на угрожающе непристойное поведение королевы, и... не встретил понимания. Общественное мнение и сочувствие было на стороне Изабеллы, а та, первый раз в жизни потеряла голову.

Мортимер и Изабелла наивно полагали, что тщательно скрывают свою связь, но слухи о ней распространились со скоростью ветра и породили грандиозный скандал. Супружеская измена для женщин (но не для мужчин) всех сословий считалась в Средневековье страшным грехом, и чем выше было положение изменницы, тем более тяжким он считался, так как ставил под сомнение законность наследника. Когда же прелюбодейкой являлась королева Англии, измена расценивалась как государственное преступление.

Адюльтер невесток Филиппа Красивого привел к династическому кризису, и кара, постигшая их, была беспощадно жестока. Но Изабеллу, избалованную ветреных принцесс, не осуждали, оправдывая ее измену низким поведением мужа. К тому же французы, великие знатоки галантной науки, понимали, что на их глазах разворачивается величай-

ший роман эпохи, и снимали перед ним шляпу. Возможно, что сперва королева и знатный лорд сошлись, руководствуясь прагматическими соображениями и жаждой мести. Но Изабелла была так ослепительно хороша и умна, а Мортимер обладал таким несокрушимым мужским обаянием, что «союз по расчету» перерос в сметающую все на своем пути страсть.

Кроме общих целей любовники обладали общими интересами и были интеллектуально близки. Оба увлекались легендами о короле Артуре, любили книги, искусство и роскошь. Доминировал ревнивый собственник Мортимер, и он же принимал решения – к огромному облегчению Изабеллы, которая семнадцать лет жила со слабовольным мужем и долго боролась в одиночку.

Королева впервые ощутила себя настоящей женщиной, и это было восхитительно. Теперь рядом с ней появился сильный, властный мужчина, на которого можно было опереться. Она, наконец, перевела дух и в полной мере наслаждалась страстью. Но при этом королева не забывала о главном. Изабелла вступила в переписку с оппозиционными баронами, которые неожиданно изъявили желание навестить свои владения на континенте и начали десятками покидать Англию.

Недовольство английским королем росло. Известие о союзе Изабеллы с Мортимером воодушевило тех, кто был сыт по горло режимом Деспенсеров, а Эдуарда и его фаворитов охватила паника. Король начал лихорадочно строчить пись-

ма, где он сообщал о постыдной беде в своем семействе. Он написал Папе, королям и владетельным князьям, сделавшись объектом презрения и насмешек в глазах всего христианского мира. Король написал и сыну, где затронул отношения супруги с Мортимером, обозначив их весьма деликатно: «... и с ним водит компанию в его жилище и за его пределами».

Изабелла начала волноваться за свою репутацию и, как оказалось, не напрасно. В ее разлад с мужем вмешался сам Папа, который пригрозил французскому королю отлучением, если тот не откажет сестре в приюте. Жалость Карла IV также уменьшалась по мере того, как меркла добродетель Изабеллы. Французский король не забыл, что по навету этой неверной жены его развели с обожаемой Бланкой Бургундской. Та скончалась в заточении, и наблюдать за счастливой Изабеллой и ее надменным любовником королем было тяжело. Но собирался ли он выслать по приказу папы свою сестру в Англию? Маловероятно.

Изабелла, испугавшись попасть в руки к Деспенсерам, бежала в графство Геннегау, а французский король вполне породственному не сделал ни малейшей попытки преследовать ее. Карл даже сделал отвлекающий маневр, собрав флот якобы для вторжения у берегов Нормандии, и отвлек внимание английского короля от Геннегау, откуда исходила настоящая угроза. Там правитель графства Гильом, поспешил пригласить Изабеллу и ее сына в Валансьен, «где их радостно и радушно приняли» хозяева города и горожане. Гильом был в

восторге, когда Изабелла официально попросила руку одной из его дочерей для наследника английского престола. Сразу же были приняты меры, чтобы принц Эдуард, «юноша весьма обаятельный и многообещающий», проводил как можно больше времени в обществе дочерей графа – Маргариты, Филиппы, Жанны и Изабеллы.

Принц отдал предпочтение Филиппе; миловидная рыженькая девочка ответила ему взаимностью, и Изабелла сразу же получила приданое принцессы. Им стали войска, деньги и корабли, которые предоставлялись королеве еще до свадьбы. Французский король тоже помог сестре, выделив некоторые средства.

Теперь Изабелла могла воевать, и в сентябре 1326 года она высадилась на берегах Англии. Вторжение с полным основанием можно было назвать вражеским десантом. Королева вела войска против своего законного супруга и помазанника божьего. И, прекрасно понимая это, Изабелла, едва вступив на землю Англии, выпустила прокламацию, в которой обращалась к народу и объясняла, что вернулась в страну, дабы спасти церковь и королевство от бед и угнетения, в которых повинны Деспенсеры, присвоившие себе власть.

События развивались стремительно. Узнав о вторжении королевы, Эдуард II издал приказ о всеобщем сборе войск, а также обратился с воззванием к жителям Лондона, чтобы они сопротивлялись Изабелле (на призыв откликнулось всего четыре человека). Король также предложил дать 1000

фунтов любому, кто принесет ему голову Мортимера. Желающих вновь не обнаружилось, и, не встречая никакого сопротивления, мятежники продвигались к столице. Народ встречал их как спасителей, и королю ничего не оставалось, как покинуть Лондон и скрыться.

Возвращение Изабеллы Французской в Англию вместе с лордом Мортимером и графом Эно. Миниатюра из хроник Фруассара XV век. Национальная библиотека Франции.

Уже 18 октября Изабелла и Мортимер осадили Бристоль, где скрылся Деспенсер – старший. Там королеву ждали две ее маленькие дочки – восьмилетняя Элинор и пятилетняя Джоан, жившие под опекой фаворита. Город сразу же открыл ворота перед Изабеллой, и когда королева увидела маленьких принцесс, то, как писали хронисты «была вне себя от счастья, ведь она не видела их уже так давно».

Суд над Деспенсером – старшим состоялся в Бристоле. Изабелла, никогда не питавшаяся к нему особой вражды, старалась, чтобы старика пощадили, но ее не послушали. Старого Деспенсера повесили на городской виселице Бристоля.

Изабелла руководит осадой Бристоля

Обстоятельства пленения короля и Деспенсера младшего окутаны мраком. Известно, что они пытались скрыться по морю за границу, но природа была против невезучего Эдуарда. Ветер пригнал корабль к берегам Уэльса, и 16 ноября под проливным дождем короля с фаворитом задержали. Деспенсер был умен и, понимая, какая участь ему уготована, попытался умереть. Бывший фаворит отказывался есть

и пить, был едва жив от слабости, но все же до суда его довели. Приговор был ужасен. Деспенсера должны были повесить как вора, четвертовать как предателя, обезглавить за нарушение приговора об изгнании. Таково было обычное наказание за измену.

Сразу же по окончании суда осужденному надели на голову венец из крапивы, выкололи на теле стихи из Писания о дерзости и возмездии, а потом протащили в клетке по улицам на место казни, куда стеклись тысячные толпы народа. Королева вместе с Мортимером наблюдала, как Хьюго раздели донага, вздернули, надев петлю на шею, потом, полузадушенного, привязали к высокой лестнице, пятидесяти футов в высоту, «так что все могли его видеть; а рядом разожгли большой костер. Затем у него отрезали половые органы, поскольку он был еретик и содомит, виновный в противоестественных делах, с самим королем, чью привязанность отвратил от королевы».

Казнь Хью Диспенсера Младшего. Миниатюра из рукописи «Хроники Фруассара»

Кастрация Деспенсера была, видимо, личной мстью Изабеллы, так как до 1326 года наказание за измену ее не предполагало. Но королева могла вспомнить страшную казнь братьев д'Онэ и, видимо, решила, что именно так следует

карать за сексуальные преступления. Возможно, кастрация явилась доказательством интимных отношений Деспенсера с ее мужем, возможно и того, что Хьюго посягнул на честь самой королевы.

Современники не порицали Изабеллу за жестокость. Более мягкая казнь не удовлетворила бы народ, люто ненавидевший фаворитов. Однако репрессии ограничились шестью казнями. Самая малость по сравнению с действиями Эдуарда II, и переворот, совершенный Изабеллой, вышел почти бескровным, многих сторонников Деспенсеров вообще не тронули.

Королева была совсем не так кровожадна, как ее изображали впоследствии, и не стала проявлять мстительность. Но у нее оставалась одна очень серьезная проблема. Ее супруг Эдуард II, несмотря на все свои ошибки и тиранию оставался королем и помазанником божьим. Его было необходимо низложить, но как? До сего времени не имелось никаких прецедентов по законному устранению английских королей. И в Кенилворт, где был заключен Эдуард II, отправилась депутация, чтобы пригласить его на сессию парламента, но он с проклятиями отказался.

Тогда Изабелла созвала лордов, которые единодушно согласились, что короля следует низложить. Был созван Парламент, на котором Эдуарда обвинили во многом: в неумении править, в недостойных делах и развлечениях; в преследовании Церкви, в казнях, ссылках, заточении и лишении

наследства многих именитых людей страны; в потере Шотландии, Ирландии и Гаскони, в разорении королевства. Декларация по низложению Эдуарда II была составлена умело, и ее авторы так старались, что не избежали некоторого лиризма, выраженного в фразеях, подобных следующей: «Одних духовных особ он держал в темнице, а других в великой печали»!

С позволения вельмож, духовенства и народа было заявлено, что Эдуард II отрекается от короны в пользу своего сына. Собрание разразилось оглушительными криками радости. А Изабелла, привычно одетая в черные траурные одежды, не разделила общего ликования. Она «выглядела так, словно вот-вот умрет от горя», и то и дело разражалась слезами. Принц тоже казался подавленным. Он признавал необходимость низложения дурного правителя, каковым являлся король, но ему не хотелось принимать корону при живом отце. Эдуард наивно поверил в слезы матери и попытался утешить, пообещав, что не займет престол, пока отец не передаст его добровольно.

16 января новая депутация, представляющая все сословия страны, прибыла в Кенилворт, чтобы довести решение Парламента до Эдуарда II и убедить его согласиться на формальное отречение. Королю пригрозили, что в ином случае народ может отказать его детям в праве наследования престола и обратиться к другому роду, не королевской крови. Подразумевалось, что Парламент вполне может избрать ко-

ролем Мортимера. Это был блеф. Изабелла никогда не позволила бы лишиться своего сына трона. Но угроза подействовала. Горько плача, король сразу же сдался. Он подписал отречение и тут же потерял сознание.

Правление Эдуарда III началось уже со следующего дня. Но король был несовершеннолетним, а потому настоящими правителями Англии стали Мортимер и Изабелла. Трения между ними и лордами возникли очень скоро. Изабелла жестко контролировала доступ к сыну, что сразу же не понравилось вельможам. Не вызывало восторга и растущее влияние Мортимера. Похоже, что главным в королевстве становился он.

Королева добилась всего, о чем боялась и мечтать, когда уезжала во Францию. Сразу же после коронации сына она получила обратно свое приданое и значительно увеличенное содержание. Необычайно щедро был вознагражден и Мортимер, который, тем не менее, продолжал накапливать богатства и расширять свои владения.

К низложенному мужу Изабелла старалась проявлять заботу. Она писала любезные письма Эдуарду II, интересовалась его здоровьем, и делала вид, что если бы не запрет Парламента, то с удовольствием навестила мужа. Она посылала ему подарки – красивую одежду, белье, изысканные деликатесы и прочие мелочи, скрашивающие жизнь. В замке Кенилворт, где комендантом был родич короля Генри Ланкастер, Эдуард чувствовал себя вполне комфортно. Но он продол-

жал жалобно упрашивать Изабеллу о встрече с нею и детьми. Эти просьбы королева оставляла без ответа. Узник же предавался отчаянью и сочинил трогательные в своей простоте стихи, где жаловался на коварство жены.

Одно из стихотворений называется «Песня короля Эдуарда, сложенная им самим»:

Горчайшее горе мне душу гложет,
И тело страдает, и сердце слабо
По воле прекрасной моей Изабо.
Я верил – верна мне, а ложь и обман
У ней в каждом слове, она же – мне враг.
Лишь черным отчаяньем дарит меня,
И радость мне всю обратила во страх».

Но даже страдающий, низложенный Эдуард II был опасен для королевы и Мортимера. Многие юристы в Англии утверждали, что независимо от решения Парламента, он всё ещё является законным королём.

В марте 1327 года был раскрыт первый заговор и Эдуарда перевели в неприступный замок Беркли. Сторожами были назначены лорд Томас Беркли, Джон Малтреверс и Томас Герни, которых потом объявят убийцами короля. Они входили в ближний круг Мортимера, пострадали при Диспенсерах и не имели причин хорошо относиться к Эдуарду. Жилось королю неплохо, но охраняли его строго.

Замок Беркли

В июле того же года группе заговорщиков удалось освободить Эдуарда. Они успешно осуществили штурм и разграбление замка и увезли узника. Как отыскиали Эдуарда неизвестно, но водворили его в замок Беркли уже к 27 июля.

Третий заговор, раскрытый в сентябре, решил судьбу короля. От него следовало тайно избавиться, и Эдуард II внезапно скончался. На момент смерти мужа Изабелла и юный король находились в Линкольне. Там же они получили сообщение, в котором говорилось, что Эдуард погиб в результате «несчастливого случая».

Эта загадочная смерть, навсегда погубила репутацию Изабеллы для потомков. Но знала ли она о готовящемся преступлении, и главное – был ли убит король? Ответ на этот вопрос важен, так как именно от него зависит справедливо или напрасно обвиняли королеву.

Историки разошлись во мнениях. Смерть злосчастного Эдуарда II окутана глубокой тайной и существуют различные версии об его кончине. Сразу же после смерти низложенного короля возникли слухи, что он «был подло и предательски убит» но никаких деталей преступления не приводилось.

Причины гибели Эдуарда указывали разные – болезнь, удушение, лишение пищи. Позднее в хрониках стали приводится леденящие кровь подробности: короля лишили жизни «... путем введения раскаленного железа через рог, вставленный в его зад». Поговаривали также, что Эдуард остался жив и скрывается. Сомнения в убийстве позднее высказывали и многие историки, основываясь на знаменитом письме Фиески.

Копия этого письма была обнаружена в 1878 году в архиве города Монпелье. Написанное на латинском языке, оно находилось среди официальных бумаг епископского реестра XIV века и адресовалось английскому королю Эдуарду III.

В письме содержался поразительный, но очень убедительный рассказ о том, как отец короля, узнав, что его готовятся убить, сумел бежать из замка Беркли. Обменявшись одеждой со слугой, он миновал стражу, убил привратника и покинул узилище. Затем прятался полтора года в замке Корф, уехал в Ирландию, перебрался в Нормандию и достиг Авиньона, где был принят самим папой. Позднее беглец побывал в разных странах и осев наконец, в одной из отшельнических обителей в Ломбардии, предался покаянию. По сообщению

Фиески, все это ему рассказал сам низложенный король, желающий дать знать сыну, что он жив и молится за него.

Автор письма Мануэло де Фиески заслуживал доверия. Он обладал безупречной репутацией, был отпрыском знатной генуэзской семьи, занимал ответственный пост при папе Иоанне XXII и приходился дальним родичем английского королевского дома. В Англии Фиески владел бенефициями, виделся с Эдуардом II и, несомненно, узнал бы его, встретив на континенте. Подлинность письма, как такового, по мнению большинства исследователей не вызывает сомнений, но его содержание оспаривается. Попробуем восстановить ход событий этой страшной и увлекательной истории.

Итак, убив привратника король, бежал. Как он смог пройти мимо стражи, остается загадкой. Но, все были уверены, что король сидит под замком и покинуть свои покои не может. Видели Эдуарда немногие, да и одежда того времени служила прекрасной маскировкой – горожане и простолюдины носили шапки или капюшоны, полностью скрывающие волосы, а иногда и затеняющие лицо.

Обнаружив побег, сторожа запаниковали. За исчезновение столь важного узника их ожидала суровая кара, и они решили скрыть случившееся. По мнению сторонников правдивости письма Фиески, тело подменили и вместо короля положили привратника, которого тот убил при бегстве. Известно, что впервые в истории королевских похорон на катафалке везли не забальзамированное тело Эдуарда, а его деревян-

ное изображение. Народу тело дали осмотреть «поверхностно, стоя в отдалении», а похоронили короля не в Вестминстерском аббатстве, а в Глостере.

Изабелла, видимо, испытывала какие – то сомнения. Втайне от Мортимера она вызвала ко двору знахарку, которая занималась бальзамированием тела Эдуарда и долго беседовала с нею. Скорее всего, королева пыталась выяснить, кто же был похоронен на самом деле, и спрашивала о каких-то приметах на теле мужа, знать о которых могла только она одна. В интересах любовников было сохранить это в тайне, и юный король, глубоко потрясенный внезапной смертью отца, сразу же заподозрил в причастности к ней Мортимера. Слухи об убийстве Эдуарда II распространились по всей Англии, и их попытались заглушить пышностью похорон, на которых присутствовал весь двор. Горе юного короля не утихало, но к счастью для него вскоре в Лондон приехала Филиппа Геннегау. Эта милая и «вполне женственная» тринадцатилетняя девочка была принята англичанами с восторгом, так как воплощала выгодный торговый договор с богатейшим графством.

Филиппа пленяла сердца не только тем, что несла надежду на благоденствие и процветание. Эта румяная полненькая фламандка была одарена обаянием и умением располагать к себе. Юный король Эдуард страстно влюбился в нее, Филиппа ответила не менее пылко, и когда в январский вьюжный день в Йорке состоялось венчание, молодые выглядели

неимоверно счастливыми.

Королева Филиппа Геннегау. Э. Корбулда, 1849

Этот брак стал одним из самых успешных в истории королевских семей, и Филиппу называли «самой великой королевой Англии из тех, что правили после Джиневры». Эдуард, хоть и имел впоследствии увлечения, обожал свою жену. Она была умна, тактична, заботлива, милосердна и чрезвычайно популярна у народа. Брак продлился сорок один год, и за это время Филиппа подарила своему мужу двенадцать детей. Она стала образцовой женой, покровительницей людей искусства и законодательницей мод. Но это произошло не сразу. Первые годы царствования Эдуарда главной дамой английского двора оставалась Изабелла, а Филиппе даже не выделили отдельного хозяйства, положенного ей по статусу, не заходила речь и о коронации. Супругой короля пренебрегали, а он пока ничего не мог поделать. Изабелла ревновала сына к девочке, которая отодвигала ее на второй план, и не могла справиться с завистью.

Королева-мать старела, ее прославленная красота увядала, а невестке сразу же досталось все, чего сама Изабелла никогда не имела – красивый, умный, любящий муж и радости супружества. Она с горечью вспоминала свои унижения и крах брака, завершившегося мятежом и таинственной смертью мужа. У старшей королевы был возлюбленный, но любовь Мортимера не давала ощущения полного счастья, ее приходилось скрывать, и надежды выйти замуж не было. Же-

на Мортимера Джоан обладала крепким здоровьем и могла прожить долгие годы. Юную и бесхитростную Филиппу Изабелла опасалась из-за угрозы потерять власть. Она прекрасно понимала, что любимая жена могла влиять на короля гораздо сильнее матери и решила во всем ограничивать невестку, не давая ей средств для оказания влияния на баронов. Изабелла хотела править сама и надеялась, что пятнадцатилетний Эдуард еще долгие годы будет послушным и управляемым сыном. К тому времени королева – мать обладала огромными богатствами и наслаждалась невиданной для прежних королей Англии роскошью. Но счастливые годы ее регентства заканчивались.

Мортимер и Изабелла вместе отправились в поход на Шотландию и потерпели там сокрушительное поражение. Английская армия была разбита, слава Мортимера как удачливого военачальника потеряна, а популярность Изабеллы мгновенно уничтожена невыгодным договором с Шотландией, которая была завоевана ее свекром и потеряна мужем.

Прекрасно понимая, что войну не выиграть, Изабелла предпочла пойти дипломатическим путём. В результате был заключён Нортгемптонский договор, согласно которому, дочь Изабеллы Джоан выходила замуж за наследника шотландского престола Дэвида Брюса, а Эдуард III отказывался от претензий на шотландские земли. Это было единственно разумным решением, так как теперь Англия не должна была вести дорогостоящую и безнадежную войну. Но

удачный в политическом смысле договор был признан в народе позорным и предательским. Молодой король был также недоволен и чувствовал себя униженным.

Королеву осуждали, и большинство прежних союзников постепенно отдалились от нее. Но Изабелла не собиралась отдавать власть и надеялась сохранить ее даже после достижения королем совершеннолетия. Для этого следовало укреплять положение Мортимера – ее главного союзника и защитника. А тот, совершенно потеряв ощущение реальности, вел себя столь дерзко, беспощадно и высокомерно, что сумел возбудить к себе сильнейшую ненависть в стране. Это чувство распространилось на Изабеллу, которая ничего не делала, чтобы сдерживать любовника. Королева продолжала одарять его все новыми и новыми привилегиями и воспринимала вызывающее поведение любовника, как признак силы и авторитета.

Ради безопасности Мортимера Изабелла дала ему от имени короля позволение путешествовать с вооруженной свитой, и с этого момента, куда бы он ни ехал, его сопровождали сто восемьдесят «диких» солдат-валлийцев. От этой неистовой стражи страдали многие, особенно женщины, и это также не способствовало популярности тандема. Наконец, Ланкастер не выдержал и в 1327 году покинул двор. Затем на его сторону переметнулся дядя короля граф Кентский, и в Англии вновь возникла угроза гражданской войны.

В конце 1328 года Генри Ланкастер решил на воору́жен-

ное выступление против Изабеллы и Мортимера, который возглавил командование королевскими силами. Мятеж был подавлен, Ланкастер подвергнут колоссальному штрафу, и, собственно, уничтожен как политик.

Победив оппозицию, Изабелла и Мортимер перестали притворяться, будто король лично правит государством, и некоторые приказы издавались теперь от имени «королевы и старшего сына короля». Но Эдуард вырослел, а Изабелла, подобно многим матерям не замечала этого. Правда, она пошла на некоторые уступки, и королеве Филиппе было обеспечено содержание в 1000 фунтов в год на бытовые расходы (для сравнения доходы Изабеллы составляли 13 000 фунтов).

Еще одной уступкой было позволение другу короля, сэру Уильяму де Монтегю, умному и благородному рыцарю «до конца его жизни оставаться при короле вместе с двадцатью вооруженными людьми». Об этом назначении Изабелла и Мортимер вскоре пожалели, а Эдуарду, который продолжал любить и уважать мать, пришлось пережить сильное потрясение.

До него дошли грязные сплетни об Изабелле и ее любовнике. Королева -мать действительно совершила необычный поступок, назначив Мортимера наследником нескольких своих владений. До этого она лишь один раз делала завещание – перед первыми родами. Поэтому можно предположить, что королева – мать была теперь беременна от Мортимера и заботилась о будущем ребенка на случай, если не

переживет родов.

Мортимер же продолжал возвышаться. На турнире по случаю свадеб дочерей он взял на себя роль короля Артура. Выбор был не случаен, так любовник королевы подчеркивал свое происхождение от мифического героя – троянца Брута, чье имя, согласно летописям, стало именем земли Британии. Не хотел ли таким образом Мортимер подчеркнуть свое королевское происхождение и право на власть? Законный король еще не достиг совершеннолетия и пока ничего не мог поделать с самовозвеличиванием любовника Изабеллы, но прекрасно понимал его опасность.

Эдуард все более разочаровывался в матери и обижался на пренебрежение, которое она выказывала его жене. Коронацию королевы Филиппы откладывали уже более двух лет, так как после нее Изабелле предстояло потерять свой статус, доходы и привилегии. Филиппа же забеременела, возможно, наследником трона, и было немислимо, чтобы она произвела его на свет, не пройдя через таинство помазания. Наконец, 4 марта 1330 года, Филиппа была коронована, но это лишь ненадолго улучшило отношения королевской пары с Изабеллой и Мортимером. Страшная казнь дяди короля – графа Кентского спровоцировала новый конфликт.

Коронация Филиппы Геннегау. Прижизненное изображение

Эдмунд, граф Кентский, чувствовал вину перед братом, в том, что примкнул к Изабелле. В смерть низложенного короля он не верил и организовал заговор с целью его реставра-

ции. Заговор объединил самых активных противников Мортимера и поэтому был очень опасен. Но Кента быстро обезвредили. Два монаха вошли к нему в доверие и предложили передать письмо Эдуарду. Кент согласился, написал, изложив на бумаге свой план его восстановления на престоле, и письмо было сразу же отправлено к Мортимеру. Блистательно организованная провокация удалась, наивный Кент попал в ловушку. Графа схватили, и он во все признался. Молодой король был склонен простить дядю, но Мортимер и Изабелла, которой Кент приходился деверем и кузеном, были неумолимы. Парламент осудил заговорщика на смерть, и королева – мать, обеспокоившись, как бы Эдуард III не отменил приговор, не известив сына, приказала бейлифам Винчестера осуществить казнь немедленно. Однако городской палач сбежал, не желая убивать особу королевской крови, и только некий убийца согласился совершить это в обмен на помилование. Кенту отрубили голову, сделав это крайне непрофессионально и превратив казнь в зрелище, от которого стало плохо даже бывалым солдатам.

Мученическая смерть Кента вызвала всеобщее возмущение. Графу было двадцать девять лет, он был сыном короля, и расправа с ним казалась почти святотатством. Теперь никто «не осмеливался даже открыть рот ради блага короля или его державы» и никто не мог чувствовать себя в безопасности, даже король. На этот раз Изабелла и Мортимер зашли слишком далеко, и их правление стали называть тиранией,

которая сменила тиранию Диспенсеров.

Королева – мать, безусловно, несла ответственность за создавшуюся ситуацию. Она позволяла Мортимеру творить беззаконие и помогала ему сосредоточить в своих руках всю всю полноту власти в Англии. Любовники были уверены, что им ничего не грозит, и прямым катились к катастрофе. Ее ускорило радостное событие.

15 июня 1330 года при бурном ликовании народа Филиппа родила здорового мальчика и теперь, после рождения наследника король, которому исполнилось восемнадцать лет, в полной мере почувствовал ответственность за корону и не желал мириться с жалкой ролью безвластного государя. Скорая казнь дяди, обиды, причиняемые королевскому достоинству Мортимером, пренебрежение, выказанное любимой жене, известие, что мать, носит внебрачное дитя, переполнило чашу терпения.

Эдуард страдал от беспорядков в стране, вызванных плохим правлением незаконной четы и устал от неотступной опеки Изабеллы. Кроме того, до короля дошли слухи о том, что любовник матери «жаждал уничтожить королевский род и узурпировать королевское достоинство». Это становилось возможным при рождении у Изабеллы сына. Мортимер мог развестись, уговорить королеву выйти за него замуж и провозгласить бастарда королем. В странах, где царил закон, такое было немыслимо, в Англии, раздираемой гражданскими войнами, могло произойти все, что угодно. Мортимер стано-

вился опасным, и от него следовало срочно избавиться.

Помочь Эдуарду вызвались несколько преданных молодых дворян. Местом, где планировалось напасть на Мортимера, выбрали Ноттингемский замок, в котором должен был собраться Парламент. Но Мортимер принял серьезные меры безопасности. При нем постоянно находились сто восемьдесят уже упомянутых вооруженных валлийских телохранителей и по всему замку расставили стражу. Каждый вечер все двери и ворота запирались, ключи приносили Изабелле, и она спала, спрятав их под подушку. Четкого плана у заговорщиков не было, но помог верный Монтегю, предусмотрительно подружившийся с Уильямом д'Иландом, помощником коменданта замка. Мортимер высокомерно обращался с Иландом, и тот охотно сообщил Монтегю о существовании потайного хода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.